

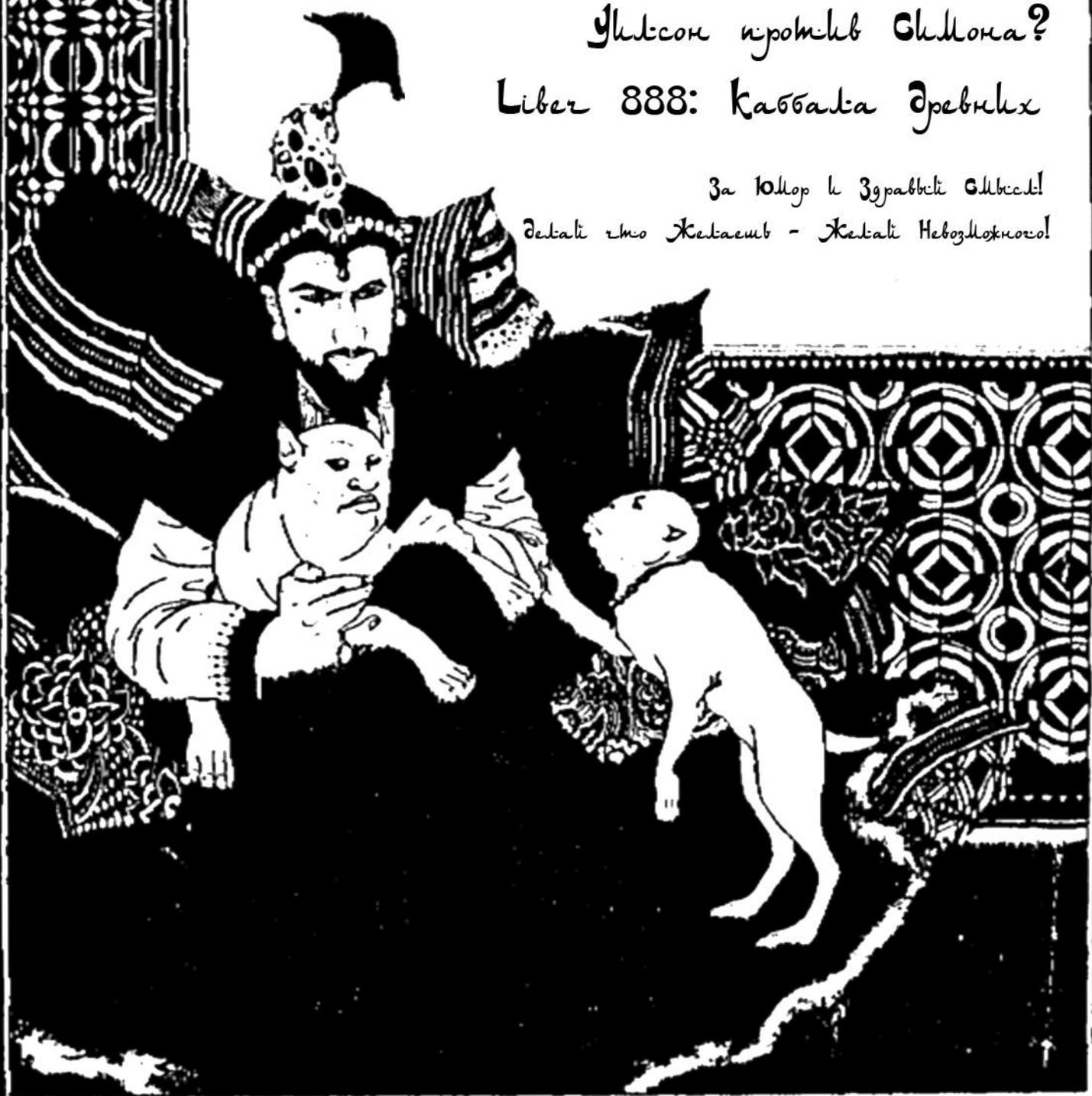
Анокрисф

Літаратурна-эзатэрычнае альманах
Ордена Беларускага калібра "93 іні 39 (Шкімагелт Хаоса)"

Выш. 16. Дзекабр 2009 (2)

Міфалогія Некрономіхона
Гітсон протів Сілмона?
Лівер 888: Каббала Дрэвніх

За Юлор і Зграббілі Сілвскі!
Деталі імо Жетасмт - Жеталі Невозможнасці!

АПОКРИФ

Выпуск 16. Мифоистория Некрономикона
(Fr. Nyarlathotep Otis)

Выпуск посвящён наступающему году 120-летия Г. Ф. Лавкрафта
и 135-летия Алистера Кроули.

Начало переоформления серии приурочено к дню рождения Алистера Кроули.

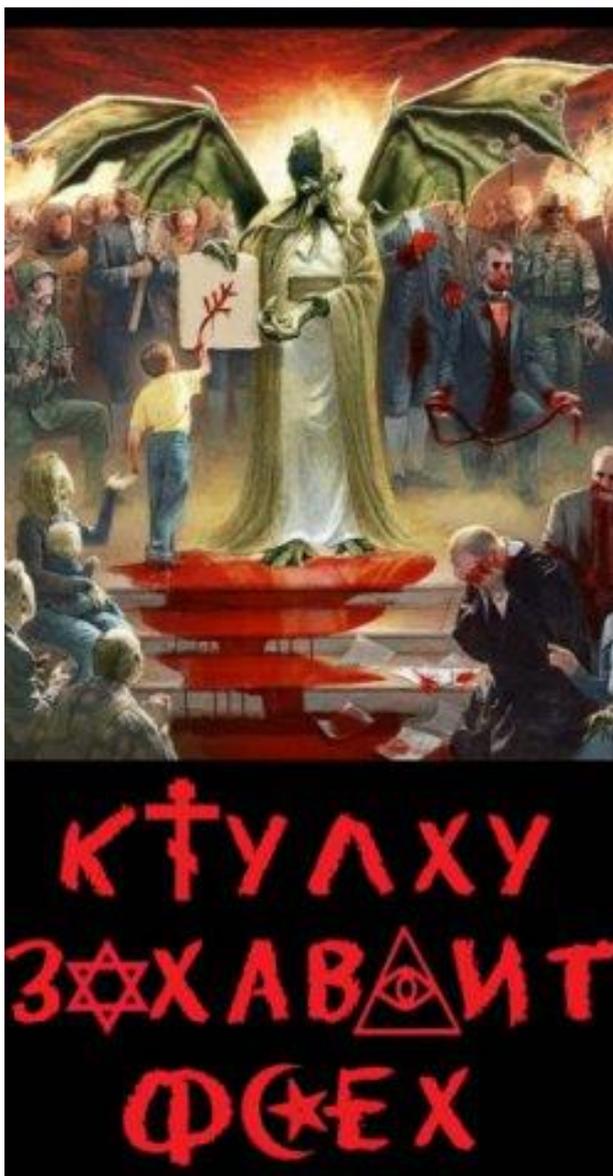
Оглавление

Мифоистория Некрономикона	3	17. Последнее путешествие	27
Часть I. Биография Абдуллы аль-Хазраджи	6	18. Вознесение аль-Хазраджи	28
1. Об арабских завоеваниях накануне Рождества аль-Хазраджи	6	Часть II. История Некрономикона	30
2. Джабир аль-Хазраджи	7	1. О датировках	30
3. Мать Абдуллы	8	2. О списках с греческого перевода	31
4. Падение империи Сасанидов	9	3. О переводах Оле Ворма и Джона Ди	32
5. Начало странствий	10	4. Испанский след Китаб Аль-Азиф	34
6. Муавия ибн Абу Суфьян	12	5. О «Стеганографии» Иоганна Тритемия	35
7. Благословение рода Омейядов	13	6. Об Алистере Кроули	36
8. Руб аль-Хали	14	7. О принципах перевода	37
9. Жизнь в Йемене	16	8. Некоторые другие легенды о Некрономиконе	39
10. Культ	17	Уилсон против Симона?	43
11. Путь на восток	19	Liber 888: Каббала Древних	57
12. Джабир аль-Азди	21	«Завет Мёртвых» в трёхтомнике «Запретная магия Древних»	70
13. Саддам ибн Шахаб	22		
14. Появление в Дамаске и проклятие Омейядов	22		
15. Аль-Азиф	23		
16. Иоанн Дамаскин	25		

Fr. Nyarlathotep Otis

Мифоистория Некрономикона (вместо предисловия к Завету Мёртвых — Некромикону Феодора Филета)

«**Ч**тоб ты жил в эпоху великих перемен!» — гласит известное китайское проклятие. Знаменитому сабийскому поэту, переводчику, мистiku, визионеру и путешественнику Абдулле ибн Джабиру ибн Абдулле ибн Амру аль-Хазраджи аль-Ансари (642-732) сполна довелось не только пожирать плоды, но и сеять семена этого проклятия на территории от Йемена до Южной Сибири и от Средиземноморья до Пенджаба, находившейся в ту пору под существенным влиянием Арабского халифата. Его рождение пришлось на время падения персидской империи Сасанидов, стремительного арабского завоевания и возвышения Омейядов. Битва при Пуатье, последовавшая вскоре за смертью Ибн Джабира, обозначила перелом в этих завоеваниях, приведший в скором будущем к падению Омейядов, свергнутых Аббасидами, а позднее — к изгнанию мусульман с большей части Европы и Крестовым походам. Трудно сказать, сколь существенно

было в этих процессах участие аль-Хазраджи, но его близость с сильными мира сего и умение убеждать дают некоторые основания полагать, что роль его была далеко не последней. Наиболее фанатичные приверженцы культа Древних (несомненно, даже в наших рядах встречаются фанатики) наверняка припишут это влияние магическим экспериментам «безумного араба», но даже без таковых его можно назвать одним из самых влиятельных «теневых» деятелей ранней истории мусульманского Востока. Огромен вклад Абдуллы и в развитие философской мысли человечества. Все самые тайные, самые сокровенные из нынешних учений Старого Света носят те или иные следы мировоззрения и практики этого великого человека. Его медитативные техники и аскезы вошли в сокровищницу суфизма. Его расчёты послужили одной из основ каббалистической методологии. Тайные знания Древних и переосмысленный образ Шуб-Нигурат стали основой веро-

АПОКРИФ

учения тамплиеров (вспомним, что именно Ангерран Мариньи, один из основателей знаменитого рода Мариньи, участвовал в процессе над ними и, более того, осуществлял передачу их имущества французской короне и госпитальерам и, таким образом, проще, чем кто либо иной, мог ознакомиться со всеми их материалами!). Тибетский буддизм унаследовал его символизм, и даже самые известные книги Абдуллы и тибетских лам независимо друг от друга и в обоих случаях не из авторских рук получили одно и то же наименование: Книга Мёртвых. Герметические ордена Средневековья и Нового времени — напрямую или через духовных наследников Ибн Джабира — питались мудростью Древних.

Мы не ставим перед собой цели представить вниманию читателей этой статьи высокохудожественное биографическое произведение, хотя накопленных нами данных о Пророке Древних хватило бы одарённому беллетристу на полноценный роман. Этот материал — лишь черновой набросок, содержащий основные известные нам сведения. Если в дальнейшем кто-нибудь пожелает расширить его до художественного произведения, жрецы культа «Ктулху Зохаваит Фсех» с удовольствием окажут ему посильную информационную поддержку.

Как и у большинства других великих вероучителей, будь то Моисей, Иисус, Мани, Будда или Лао-Цзы, подлинная биография Абдуллы аль-Хазраджи очень быстро оказалась вытеснена всевозможными отрывочными и неправдоподобными преданиями, в которых порою весьма трудно отыскать зёрна истины. Своего рода «медвежью услугу» оказал поэту американский фантаст первой половины XX века, выдающийся «мастер ужасов» Говард Филлипс Лавкрафт (его 120-летнюю годовщину мы отмечаем в этом году), использовав эти предания для создания образа Абдула Альхазреда, «безумного араба», и таким образом превратив знаменитого сабия в литературного персонажа (явление, говоря по правде, не такое и редкое в мировой классике: вспомним хотя бы барона Мюнхгаузена и Ходжу Насреддина).

До наших дней сохранилось несколько более-менее связанных жизнеописаний Абдуллы аль-Хазраджи, большинство из которых полны домыслов и анахронизмов. Составляя наш вариант биографии (разумеется, далеко не полный и тоже не претендующий на абсолютную научную достоверность), мы пользовались всеми доступными источниками: и сохранившимися жизнеописаниями, и (хотя и в минимальной степени) художественными произведениями Лавкрафта и Дерлета, и имеющимся в распоряжении Культа греческим списком Аль-Азиф, приписываемым Феодору Филету Мудрому и содержащим некоторые подробности жизни Безумного Поэта, и многочисленными историческими документами, содержащими сведения об эпохе аль-Хазраджи, местах, где он побывал, и людях, с которыми он встречался. Помимо этого, используя опыт группы исследователей «Хакеры Сновидений» и собственные сновидческие наработки, мы «взломали» некий пласт «сновиденной библиотеки» (известной также под названиями «Библиотека короля Мёнина», «Хроники Акаши» или «Лабиринты Зина»), содержащий массу любопытной информации об этом человеке и его трудах. Как добросовестные практики, мы сознаём, что этот источник может быть воспринят как совершенно недостоверный. Однако поражающий воображение уровень подтверждаемости обнаруженных там фактов (например, именно оттуда была получена информация о дате смерти Абдуллы аль-Хазраджи, о политических мотивах его бегства с родины и многое другое из того, что позднее получило историческое обоснование) позволяет использовать его наравне с остальными, а то и с большим доверием по сравнению с ними. К тому же, мы старались снабжать приведённую информацию своеобразными «грифами», указывающими на степень её достоверности: «можно уверенно говорить», «есть основания полагать» (зачастую — с указанием таких «оснований»), «рассказывают», «такой-то автор считает», «предания гласят», «как указывают со ссылкой на того-то», «по непроверенным данным», «с неправдоподобными и про-

тиворечивыми подробностями», «якобы», «скорее всего», «вряд ли», «практически наверняка» и т. п. — которые, надеюсь, позволят читателю составить более объективное мнение и о «безумном арабе», и о самой биографии, и о наследии Древних в целом.

Разумеется, каждая информационная единица проверялась нами столь тщательно, насколько позволяли доступные материалы, и все обнаруженные анахронизмы и противоречия или приводились в согласование с историческими фактами, или безжалостно вычищались. В результате наше краткое жизнеописание Абдулы ибн Джабира получилось куда менее запутанным, нелогичным и противоречащим себе самому и историческим фактам, чем, скажем, евангельская история Иисуса. Нетрудно вычислить, например, что, если Иисус родился с началом «нашей эры» и умер в 33 году, когда над ним, как и над аль-Хазраджи семь веков спустя, случилось полное солнечное затмение, то Распятие должно было состояться в Индийском океане, где-то неподалёку от Мадагаскара. Напрасной окажется и попытка найти такое солнечное затмение, которое приходилось бы на Пасху: как известно, солнечное затмение возможно только в новолуние, тогда как еврейская Пасха всегда приходится на середину лунного месяца, то есть на полнолуние. Полны внутренними противоречиями и родословия Иисуса, приведённые Матфеем и Лукой, да и сведения о правителях времён пророка из Назарета далеко не во всём согласуются с дан-

ными исторической науки. В случае же с Ибн Джабиром, несомненно, имеется множество «белых пятен» и непроверенных сведений, но откровенных нестыкровок пока что обнаружено не было. Впрочем, это не значит, что таких противоречий нет, поэтому, чуждые догматизму и открытые новым познаниям, мы просим наших читателей тщательно высматривать всякие нестыковки и сообщать о них жрецам Культа. Обещаем и клянёмся на грече-

ском списке Аль-Азиф именами Древних, что исправим в биографии Безумного Поэта всё, что подлежит исправлению, и честно и без сожаления вычеркнем из неё любые сведения, которые наши жрецы не смогут объяснить в рамках современной научной картины мира. В свою очередь выражаем надежду, что жрецы других современных религий, великих и малых, тоже когда-нибудь научатся ходить в ногу со временем и исправлять вероучение под факты, а не факты под вероучение. За сим же позвольте поведать вам то, что знаем мы о жизни великого нашего вероучителя и Пророка Абдуллы ибн Джабира ибн Абдуллы ибн Амра аль-Хазраджи аль-Ансари, более известного под именами Абдул Альхазред и «Безумный Араб»*.

* В редакции, вошедшей в «Апокриф», использованы некоторые биографические и исторические материалы, не использованные в прежних изданиях.

Часть I. Биография Абдуллы аль-Хазраджи

1. Об арабских завоеваниях накануне Рождества аль-Хазраджи

Арабское завоевание началось ещё при жизни Мухаммеда. В 630 году, вскоре после принятия ислама Абу Суфьяном и мекканцами и за два года до кончины пророка, арабы подчинили своей власти почти всю Аравию, включая Йемен. В 631-м (малозначительный факт, который, однако, мы ещё вспомним, когда речь пойдёт о датировке Аль-Азиф) была произведена реформа исламского календаря: год стал состоять из двенадцати лунных месяцев (и, таким образом, на 11 суток короче солнечного года), а отсчётной точкой новой эпохи сделалась Хиджра — бегство Мухаммеда из Мекки в Медину, состоявшееся в 622 году по юлианскому летоисчислению.

В 632 году, в год смерти Мухаммеда и избрания Абу Бекра, сподвижника пророка, первым «справедливым халифом», в Персидской империи (на территории которой родился аль-Хазраджи) воцарился Йездигерд III из рода Сасанидов, последний шахиншах Ирана. В тот же год арабы вторглись в византийскую Сирию и Палестину, а также Сасанидскую Месопотамию, объявив таким образом войну обоим великим державам, порядком ослабленным длительной междоусобицей. В 634 году они начинают завоевание исконных персидских территорий и Малой Азии, в 635-м (уже под властью второго халифа, Умара) берут Дамаск, в 636-м покоряют Финикию. Армия халифата разделяется на три части: одна направлена против Египта, другая — на Сирию, третья — на Персию. В тот же год под властью Умара оказывается большая часть Месопотамии, на следующий год византийцы сдают арабам Иерусалим, а ещё год спустя они теряют ещё и Антиохию.

Может показаться странным, что отрезанная таким образом от Персии территория, ещё в IV веке заселённая арабами (преимущественно из племени хасанидов, исповедовавших несторианство; родственное им племя, лахмиды, обитали несколько восточнее и придерживались христианства монофизитского толка) по указу императора Юлиана II и потому известная как Бет-Арабайе, Ароб или Арабия, тем не менее, не пожелала тут же воссоединиться со своими соплеменниками, а оказывала вооружённое сопротивление ещё почти три года после того, как оказалась в полукольце армий Умара. Однако если вспомнить, что именно в Нусайбине, столице Бет-Арабайе, находилась одна из крупнейших по тому времени академий (в конце VI века в ней трудилось около тысячи научных работников, занимавшихся математикой, астрономией и медициной), а весь этот регион славился этническим и религиозным многообразием (здесь можно было

встретить зороастрийцев, манихеев, сабиев, гностиков, монофизитов, монофелитов, несториан, ариан, православных христиан, материалистов-дахритов и язычников греческого, курдского, персидского, еврейского, арабского, хазарского, армянского, азербайджанского происхождения), нетрудно понять, почему образованные и веротерпимые жители этой земли отказались добровольно сложить оружие перед ордами безграмотных фанатиков. Тем не менее, в 639 году после непродолжительной осады Нусайбин пал, а в течение двух последующих лет была покорена и вся территория Бет-Арабайе.

2. Джабир аль-Хазраджи

Именно здесь и именно в это смутное время, через три года после падения Нусайбина, 3 рамадана 21 года Хиджры (что соответствует 8 августа 642 года по григорианскому летоисчислению или 4 улулу по вавилонскому календарю, бытовавшему в среде сабиев Бет-Арабайе) родился на свет Абдулла ибн Джабир ибн Абдулла ибн Амр аль-Хазраджи аль-Ансари. Этот день правоверные ктулухисты отмечают как Рождество аль-Хазраджи и День Ктулуху. Некоторые современные источники указывают совсем другое «подлинное» имя Альхазреда: Абдулла ибн Абу Бин ибн Сауб аль-Хазрадж. Однако, кроме неправильного суффикса родового имени (нисбы), здесь присутствует и совершенно невероятный для арабского имяобразования элемент «ибн Абу Бин ибн...», значащий либо «сын отца Бина, сын...» (имя Бин в арабском языке отсутствует), либо вообще (если читать «бин» как одну из транскрипций слова «ибн» со значением «сын») «сын отца сына сына...» Поэтому мы проигнорировали бы этот вариант имени как недостоверный, даже если бы не знали имени настоящего отца Абдуллы (точно так же не мог зваться его отец Ибн Абу Абдуллой, как утверждают некоторые, поскольку это значило бы «сын отца Абдуллы», в результате чего сам аль-Хазраджи оказался бы собственным сыном).

Новый Пророк родился светлокожим и зеленоглазым, поэтому суеверные арабы нередко называли его «сыном джиннов», хотя тут, несомненно, всего лишь сказались персидские гены матери. В поздней (XIX век) биографии «The Whipple Phillips Manuscript», хранившейся, по слухам, в городской библиотеке Провиденса, утверждает, что Абдулла — один из легендарных адитов, таинственных жителей юга полуострова. Поскольку это племя упоминается в Коране как проклятое, автор, по всей видимости, исходил из тёмной славы Пророка Древних, а не из реальных свидетельств. О настоящих его родителях известно очень немного. Отец, Джабир аль-Хазраджи

(607-697), правоверный мусульманин из Иасриба (Медины), известен как один из первых собирателей хадисов — преданий о пророке Мухаммеде. Именно грамотность (Джабир был одним из самых образованных людей халифата того времени) стала причиной того, что его направили с миссией в просвещённый Нусайбин, где он служил писарем и переводчиком. Он происходил из племени хазраджитов, которые (наряду с другим арабским племенем Иасриба — ауситами) были известны под собирательным названием ансаров (из хазраджитов происходит и бабка Мухаммеда, поэтому можно смело утверждать, что в четвёртом-пятом колене оба пророка — родня). Именно представители этого племени в Коране часто называются «лицемерами», поскольку, в отличие от первых мекканских соратников мусульманского пророка, принятие ислама для них с самого начала стало актом политики, а не веры: они приняли Мухаммеда своим вождём для того, чтобы прекратить междоусобицы между своими племенами, возвыситься над иасрибскими иудеями и, «если будет на то воля Аллаха», покорить соседние земли.

До обращения в новую веру жители Иасриба поклонялись преимущественно двум богиням древнеарабского пантеона, Манат и Уззе, и, дабы ублажить своих новых союзников (а также поклонявшихся Лат мекканцев), Мухаммед на первых порах даже признавал заступничество этих трёх богинь в качестве «дочерей Аллаха». Позднее, набравшись силы и опыта, он отверг эти пережитки «джахильи» (язычества), объявив свои «откровения» о их заступничестве «шайтанскими аятами» и исключив их из Корана. К сожалению, неизвестно доподлинно (не из мусульманских источников, отрицающих сам факт существования этих аятов), когда именно почитание Лат, Манат и Уззы было отвергнуто окончательно. Нельзя сказать наверняка и того, был ли Джабир искренен в своей новой вере (мы полагаем, что был). Однако нам кажется весьма веро-

ятным, что, с детства воспитанный в почитании Манат, он не мог не перенять каких-нибудь особенностей культа этой богини и не прихватить их с собой в монотеистическую свою жизнь, подобно тому, как даже атеисты сегодня украшают свою речь оборотами вроде «о господи» или «мать божья». Эти «языческие пережитки» отца не могли не оказать влияния на ранние религиозные представления Абдуллы ибн Джабира.

Любопытен один из оставленных нам отцом Безумного Поэта хадисов, в котором

Мухаммед говорит: «Когда приходит ночь и наступают сумерки, следите за детьми своими, ибо демоны собираются во время сие. Когда пройдет час, затворите двери и помяните имя Аллаха. Шайтан не отворит запертых дверей». Было бы интересно узнать, в каком именно году Джабир записал это изречение. Вспомнил ли он его после того, как молодой Абдулла отрёкся от «истинной веры», — или, быть может, это было своего рода пророчество, адресованное Мухаммедом лично ему, Джабиру?..

3. Мать Абдуллы

Патриархальная история исламизированного общества не донесла до нас имени матери Абдуллы ибн Джабира (пользуясь арабской системой имяобразования, мы можем условно назвать её Бинт аль-Хасан — дочь Хасана — и Умм Абдулла — мать Абдуллы). О ней известно лишь то, что она была армяно-персидского происхождения (это подтверждает не только последующее бегство Абдуллы в сторону Армении, но и использование им в дальнейшем тридцатипятибуквенной системы для построения своих таблиц соответствий) и исповедовала сабейство. Сабейство, или сабеизм — это гностическое вероучение внехристианского толка, выраженное в поклонении звёздам, обоготворении небесных светил. В древние времена сабеизм был особенно распространён в Вавилоне и Ассирии, позднее — в Аравии, Сирии, Малой Азии. Сабийские храмы служили одновременно обсерваториями. Ещё активнее, чем неподвижным звёздам, сабии поклонялись звёздам блуждающим, которым приписывалось влияние на всё земное, на природу и на людей.

Неотъемлемыми частями сабеизма были магия и астрология. Как можно заметить из текста Аль-Азиф (даже из тех выжимок, которые знакомы читателю по Некрономикону Симона или по существенно домысленным Дональдом Тайсоном «Странствиям Альхазреда»), привнесённые значительные новшества в ре-

лигию своих предков по материнской линии, Абдулла аль-Хазраджи до конца своих дней остался верен духу гностических учений Междуречья (гностицизм вообще гораздо терпимее к внутренним различиям и толкам, чем традиционные авраамические культы; достаточно сопоставить, например, манихейство или учение Гностической Католической Церкви с единственным сохранившимся до наших дней традиционным течением сабеизма — мандейством, или «христианством Святого Иоанна», — чтобы заметить глубину их различий, не препятствующую их общности).

Позднее сабиями назывались также древнесирийские язычники эллинистической культуры, которые около 830 года приняли название сабиев, чтобы пользоваться среди исламских народов веротерпимостью, которую Коран обещал настоящим сабиям. Они проживали большей частью в Северной Месопотамии (в Гаране, Эдессе, Багдаде, Нусайбине и др.). Религия их есть смешение халдейства, зороастризма, иудейства, христианства, гностицизма, неоплатонизма (черты этих же учений можно найти и в Аль-Азиф).

Сохранившиеся имена высших архонтов, почитаемых единоверцами Умм Абдулла (Наксир, Надур и Нарикс), позволяют предположить средиземноморские корни тамошнего течения гностицизма: Нарикс является топонимом одного из городов Локриды, Надур — Мальты (имя Наксир, к сожалению, нами не

обнаружено). По всей видимости, в число священных текстов этой сабийской церкви входило писание под названием Софинером (Сауфенером), наиболее гностичный из ныне известных текстов о Древних, где имена Ктулху, Хастура, Наксир и прочих соседствуют с пророчествами о пришествии Сына Человеческого. Вероятно, в детские же годы познакомился Ибн Джабир и с другими гностическими писаниями: многие мысли, изложенные в его учении, тесно пересекаются с содержанием Книги Еноха, манихейской Книги Исполинов и других апокрифических текстов.

Трудно сказать, была ли Бинт аль-Хасан взята в жёны Джабиром насильно (известно, что на момент замужества ей было около пятнадцати лет, тогда как Джабиру — более тридцати) или же свою роль сыграло хорошее образование аль-Хазраджи-старшего. Так или иначе, она была не первой и не единственной женой мединского писателя, да и муж её, постоянно отсутствующий дома из-за непрекращающихся военных походов (в связи с особой опасностью кампании арабам того времени пришлось отказаться от старой традиции, когда жёны и дети воинов следовали обозом позади войска), вряд ли мог уделять сыну (тоже далеко не единственному: даже от этой жены у него были, как минимум, дочь и ещё один сын) много внимания.

Практически заменил Абдулле родного отца Хасан, отец матери, который был лишь

немногим старше Джабира. От матери и деда и напитался аль-Хазраджи-младший халдейской мудрости древней Вавилонии, однако оба они происходили из семьи малограмотных пастухов и торговцев, образованный же Джабир не находил времени или желания на обучение сына грамоте (вероятно, к девяти годам он лишь немного умел писать и считать, зато, по всей видимости, аж на трёх родных для него языках: арабском, персидском и армянском).

Когда мальчик немного подрос, его определили пасти коз: сперва под присмотром Хасана, затем самостоятельно. Поскольку, согласно Корану, сабии (наряду, как это ни покажется странным, с христианами и иудеями, которые часто полагаются главными врагами ислама, но во времена Мухаммеда были сперва его основными союзниками против язычества) относятся к «тем, кто уверовал в Аллаха и последний день» (что, говоря по чести, не совсем верно, поскольку отдельные сабийские верования могут носить и явные черты политеизма, хотя большинство из них — включая трактовку аль-Хазраджи — действительно носит выраженный эсхатологический характер), и потому, с точки зрения правоверных мусульман, представляют собой привилегированную категорию по сравнению с идолопоклонниками, не стоит исключать, что Хасан и его семья не были даже формально обращены в ислам, а сохранили возможность исповедовать религию предков.

4. Падение империи Сасанидов

Тем временем халифат наносит ряд сокрушительных поражений армии Сасанидов, вторгается в Армению, Ливию и Алжир, окончательно покоряет Сирию, Палестину, Киренаику, Кипр и Египет. В Александрии халиф Осман, сменивший Умара, убитого в 644 году персом-христианином, в 646-м даёт повеление полководцу Амру сжечь знаменитую библиотеку, изрядно пострадавшую прежде и от римлян, и от христиан. Сообщают, что при этом халиф сказал: «Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, то они

бесполезны. Если же в них говорится что-нибудь другое, то они вредны. Поэтому и в том, и в другом случае их надо сжечь», — однако некоторые александрийские рукописи упоминаются как уцелевшие вплоть до VIII века. Наконец, в 651 году, государство Сасанидов окончательно переходит под власть халифата. Император Йездегерд бежит в Мерв, где его предательски убивает то ли владелец водяной мельницы, то ли арабский всадник, преследовавший поверженного владыку. Арабы захватывают Мервский оазис и доходят до

АПОКРИФ

Амударьи. В разных частях Ирана вспыхивают слабые попытки сопротивления новой власти, но они жестоко подавляются. Безвинно или нет, но под «чистки» попадают и некоторые родственники матери Абдуллы, и, не имея другого выхода, та решается отослать его к родне, проживающей в Армении (по какой-то причине, на данный момент не установленной, она не смогла отправиться в путь вместе с сыном). Это событие, случившееся 17 марта 651 года по современному европейскому летоисчислению и называемое нами Бегством, или Исходом (по-арабски «хиджра», как и аналогичное событие в жизни Мухаммеда), и станет поворотным в жизни будущего вероучителя.

Армения в тот период переживала период жестокого кризиса. Часть её обладала ещё некоторой государственной автономией, хотя и испытывала существенное влияние и Персии, и Византии. Прежние наместники Сасанидов (маршпаны) пользовались во многих отношениях неограниченной властью на под-

чинённых им территориях. Вторгшиеся в Армению арабы назначили собственных наместников, остиканов, византийские же территории управлялись императорскими куропалатами. Кроме того, господствующая на территории Армении монофелитская ветвь христианства, долгое время анафемизируемая Византийской церковью, в 638 году, наконец, получила поддержку со стороны императора Ираклия I, что, однако, не мешало мирному сосуществованию на территории Армении и гностических церквей христианских и внехристианских толков. И в наше время родственные узлы на Кавказе зачастую оказываются важнее религиозной принадлежности, потому не стоит удивляться, что внук гностика Хасана армянского происхождения из персидской Бет-Арабае мог рассчитывать на поддержку родственников не только на прежде персидских, но и на христианизированных византийских территориях Армении.

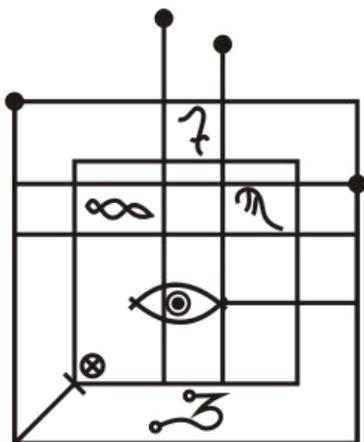

5. Начало странствий

Согласно тексту Аль-Азиф, юный Ибн Джабир добрался на землю Масис (предгорья Арарата) в начале февраля 652 года. Не стоит удивляться тому, что на дороге между этими не сильно удалёнными друг от друга районами ушёл почти целый год: до-

статочно вспомнить о возрасте аль-Хазраджи, о примитивных транспортных средствах того времени, о сильной пересечённости местности, а в особенности о том, что это происходило в самый разгар войны. 7 февраля он устроился на ночлег возле древнего святили-

ща, служащего местом поклонения какой-то из сект языческой или гностической направленности, поклонявшейся Древним. Пробудившись за три часа до рассвета от волчьего воя, он стал свидетелем странного ритуала, производящего на него неизгладимое впечатление. Поскольку эти события тщательно изложены самим Абдуллой, мы не будем останавливаться на них подробно. В наши задачи не входит и убеждение читателей в абсолютной достоверности той истории, которую рассказывает Безумный Поэт. Напротив, мы полагаем, что малолетство, усталость, недосып, шок от расставания с близкими и от самого ритуала, некая трава, которую, как обмолвился Ибн Джабир за девять дней до своей смерти, он неосторожно бросил в тот вечер в костёр, и семь десятков лет, прошедших с самих событий до момента их записи, могли оказать существенное влияние на ряд подробностей, включая самые сверхъестественные. Однако факт остаётся фактом: происшествие в предгорьях Арарата вызвало у юного аль-Хазраджи некие видения или откровения, которые во многом определили его дальнейшую судьбу.

Покинув место жертвоприношения, Абдулла, следуя наставлениям матери, направляется дальше в Армению. Однако, дойдя до людных мест, он узнаёт, что византийский патриций Пасагнатес сдал Армению арабам. Смысла двигаться дальше нет, опасность, подстерегающая его в Бет-Арабайе, по всей видимости, ещё не миновала, поэтому, ведóмый

своими юношескими фантазиями о древнем Вавилоне и недавно обретенными откровениями, в которых халдейская магия играла не последнюю роль, аль-Хазраджи поворачивает обратно в Междуречье, но следует не к Нусайбину, а в земли Вавилонии. Об этом периоде жизни поэта нам неизвестно практически ничего. Долгое время на руинах Вавилона (говорят, что там он пробыл два года), Ура, Нишпура и других древних городов Месопотамии он предавался медитациям и раздумьям, а, быть может, и раскопкам. Никому не известно, с какими — известными и неизвестными ныне — текстами смог он ознакомиться и каким премудростям научиться. Говорят, что в это время он познакомился с легендарным сарацинским колдуном Йак-Тообой (Яктхубом), своим первым Учителем, хорошо знавшим несколько языков и историю Междуречья. Вероятно, именно в этот период он выучил язык древних ассирийян и перевёл на арабский древневавилонские Скрижали Маклу, Писания Магана и некоторые другие, которые позднее включил в качестве приложений в Аль-Азиф. Кроме того, в этот период юноша дал себе (или Учителю — сейчас уже неизвестно) строгие обеты воздержания от половой жизни и обитания в человеческих жилищах (когда и по каким причинам он снял с себя эти обеты, не установлено, но уже в Йемене он обзавёлся и жильём, и женой) и что, покидая Вавилонию почти семь лет спустя, он был уже совсем другим человеком: возмужавшим, возросшим в мудрости... и наверняка заметно одичавшим. «Други детства отвернулись от меня [после этого], а я от них», — пишет об этом периоде своей жизни сам Пророк.

Оставив древние руины около 658-659 года, в семнадцать лет, он через Мосул (древняя Ниневия) направился в Бет-Арабайе, чтобы повидаться со своей семьёй, но там выяснил, что его мать, дед, братья и сёстры погибли при невыясненных обстоятельствах (согласно «официальной версии», покончили с собой), дом разрушен, стада пали, истреблены или угнаны. Никто из земляков не смог объяснить ему причины этой трагедии, и до скон-

чания своих дней аль-Хазраджи был уверен, что тому виной проклятие Древних. Возможно, он был прав... но даже если так (хотя на что им было это нужно? и не благословен ли

Пророк их, Абдулла аль-Хазраджи?..), не руками ли оккупационных властей Месопотамии свершилось это проклятие?..

6. Муавия ибн Абу Суфьян

Незадолго до завершения первого отшельничества Ибн Джабира (в 656-м) в исламском мире происходит серьёзная междоусобица. Группы шиитов во главе с Али ибн Абу Талибом прибывают в Мекку. Племянник Османа Мерван из рода Омейядов приказывает схватить вождей восставших, однако шииты осаждают дом халифа и убивают его, а Али становится последним из четырёх т. н. «справедных халифов» (которого, по понятным причинам, по сей день признают таковым только шииты, но не сунниты). В декабре того же года между армией халифа Али и отрядами мятежников, возглавляемых Тальхой и аз-Зубайром, происходит сражение, известное как Битва верблюда. Вдохновительницей мятежа была Айша — дочь халифа Абу Бекра и любимая жена Мухаммеда. В результате сражения сторонники Айши потерпели поражение, а сама Айша под стражей была доставлена в Мекку, где впоследствии умерла.

На следующий год состоялась знаменитая Сиффинская битва — сражение между армиями Али и мятежной армией сирийского губернатора Муавии. Битва складывалась неудачно для мятежников, и тогда Муавия решил применить хитрость, в полной мере демонстрирующую его находчивость и недогматичность: он приказал своим солдатам приколоть к копьям свитки Корана. Тогда набожный халиф приказал остановить битву. Муавия сохранил свою армию, а в стане Али начался раскол: часть солдат (12 тысяч) возмутилась его нерешительностью и покинула лагерь — их стали называть хариджитами. Они выбрали из своей среды себе халифа Абдуллы ибн Вахба и позднее выступали как против суннитов, так и против шиитов. В 659 году Муавия без согласия халифа Али заключает сепаратный мир с Византией, а в 660-м вторгается в

Ирак. Поскольку именно здесь, в Басре, произошла историческая встреча будущего халифа Муавии ибн Абу Суфьяна и будущего вероучителя Абдуллы ибн Джабира, ведомого поисками легендарного Ирема и гонимого неблагоприятной политической обстановкой в стране, здесь следует сказать ещё пару слов об этой в высшей степени выдающейся личности.

Муавия ибн Абу Суфьян родился за 20 лет до Хиджры. Будучи сыном главы общины, ко времени начала проповеди ислама он являлся одним из четырнадцати курайшитов, которые умели писать. Как и в случае с аль-Хазраджи-старшим, знание письма ставило его в привилегированное положение. Писцы становились важными государственными чиновниками, предводителями племён и даже рода. Муавия был одним из самых известных писцов Корана, одним из десяти сподвижников, которые записывали откровения из уст Мухаммеда и многое другое, что приказывал ему пророк, до последних дней жизни посланника Аллаха. После смерти пророка Муавия обнародовал хадисы его сподвижников, среди которых был и отец Абдуллы. Ведя постоянные войны с византийцами, Муавия часто писал халифу прошения о создании мусульманского флота, но Умар не давал ему согласия. Постройка военных кораблей началась только при Османе, который настрого запретил Муавии заставлять людей участвовать в сражении на море.

Интересно при этом, что вообще кораблестроение и мореплавание было развито у арабов с давних времён. Как отмечает видный советский исламовед О. И. Климович в своей «Книге о Коране», «ещё в доисламское время арабские мореплаватели предпринимали дальние плавания» и были хорошо известны «по

всему восточному побережью Африки и на прилегающих островах, а также по побережьям Персидского залива, Ирана, Индии, Цейлона, вплоть до Китая» (около 300 года н. э. арабы образовали торговую колонию в Гуанчжоу). Тогда же они вели морскую торговлю через Цейлон с Суматрой, Индонезией. Несомненно, кроме обмена материальными ценностями, это привело и к обширному культурному обмену: в разных уголках халифата уже в ранние периоды его существования можно было найти отголоски преданий и легенд практически со всего Старого Света (что в дальнейшем, разумеется, могло повлиять на формирование картины мира Ибн Джабира).

Несомненную пользу от создания сильного флота и развития морских путей видел и проницательный Муавия. Именно благодаря его таланту к халифату был присоединён

Кипр. В 651 году состоялось первое крупное морское сражение между мусульманским и византийским флотами, и, несмотря на численное превосходство, византийцы были разгромлены. Авторитет Муавии рос с каждым новым завоеванием. Благоразумный политик, он старался не обзаводиться лишними врагами и был сдержан даже с явными недоброжелателями. Он обладал даром выбирать людей, на которых можно опереться. Таковы были важнейшие причины устойчивости его положения. Известно, что он пользовался авторитетом не только у мусульман, но и у представителей других религий. Приводится история о том, что на диспуте маронитов (восточной католической церкви) с яковитским (монофизитским) патриархом Феодором в июне 658-го Муавия выступал в качестве арбитра.

7. Благословение рода Омейядов

Мусульманские историки аббасидского периода халифата позаботились о том, чтобы эта страница биографии первого халифа Омейядов была навсегда изъята из анналов. Однако стараниями сирийского епископа Севери Себохта, математика и астронома, жившего в ту пору в монастыре Кенешре в Северном Междуречье (таким образом — земляка аль-Хазраджи), знакомого с Муавией по означенному диспуту и подарившего человечеству астролябию и понятие о нуле, предания об этом событии сохранились (отчасти изустно, отчасти — в хранимых жрецами культа КЗФ рукописях) до наших дней. К сожалению, подробностей известно мало, но обрывочные сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, и дальнейшая история халифата даёт основания полагать, что два учёных мужа легко смогли найти общий язык. Чуждые догматичности, они, несмотря на разницу в возрасте и вероисповедании, признали друг в друге ровню. От Муавии Абдулла узнал, что его отец жив (аль-Хазраджи-старший умер аж в 697 году, прожив те же 90 лет, что позднее — его сын), но не пожелал с ним встречаться.

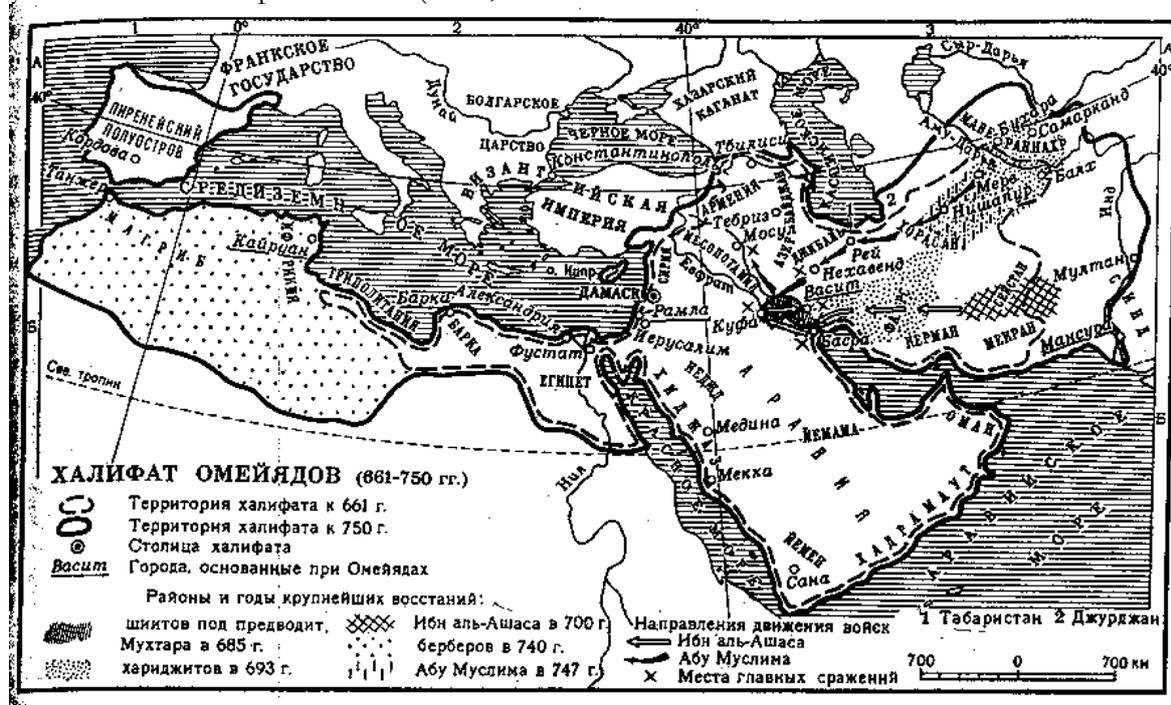
Кроме того, поражённый глубиной поэзии юного сабия и лично знавший Мухаммеда Муавия легко распознал в аль-Хазраджи нового Пророка и испросил его благословения, которое и было получено. Согласно благословию Ибн Джабира, данному Муавии и всему роду Абу Суфьяна, Омейядам полагалось стать царями над арабским народом (действительно, до Муавии халифы избирались общиной, начиная же с его сына Язида халифат сделался монархическим государством) до тех пор, пока «поклоняющимся чрез образы и подобия» (так аль-Хазраджи обозначил сабиев, поскольку изобразительное искусство и скульптура, равно как и образы Божественного в живой и неживой природе, играют существенную роль в халдейском служении) позволено беспрепятственно нести свою веру в землях халифов. Более полувека спустя благословение аль-Хазраджи обернулось проклятием для нарушивших этот завет Омейядов (к этому вопросу мы ещё вернёмся в свой черёд), однако образованный и веротерпимый Муавия не видел ничего невозможного в соблюдении этого нехитрого требования. Несмотря на то, что бесе-

АПОКРИФ

да двух великих представителей эпохи длилась около трёх часов, больше о её содержании, увы, ничего не известно. Но не от Муавии ли узнал аль-Хазраджи некоторые подробности об Иреме, не вошедшие в канонический текст Корана? И не мудрыми ли советами Абдуллы можно объяснить дальнейшие успехи будущего халифа?..

В тот же год в Армении вспыхивает антиарабское восстание, спровоцированное агентами Муавии для ослабления сил Али. На следующий год хариджиты (тоже, по-

видимому, не без поддержки или пассивного соучастия со стороны этого талантливого политика) убивают Али ибн Абу Талиба. Халифат на короткое время возглавляет его сын Хасан, после чего Муавия с одобрения большинства авторитетных представителей общины берёт власть в свои руки, переносит столицу в Дамаск, где он столько времени занимал пост губернатора, и приступает к осуществлению своей давней задумки — строительству флота в сирийских портах.

8. Руб аль-Хали

Примерно в это же время Абдулла аль-Хазраджи достигает великой пустыни Руб аль-Хали, где, согласно легендам, должен был находиться Тысячестолпный Ирем, город погибшего народа адитов, известный также как Убар (руины которого на территории современного Омана действительно обнаружила в 90-х годах XX века экспедиция Николаса Клеппа). Говорили, это пустыня эта полна невиданных и таинственных чудес, и мало кто возвращался оттуда (что легко объяснить жестокими климатическими

условиями и обитавшими там бандитствующими группировками бедуинов). На краю пустыни, где Ибн Джабир пребывал в медитациях и посте, его посетили голоса и видения, в результате которых, необъяснимым образом пробыв длительное время в пустыне (по всей видимости, без воды, пищи и крыши над головой), он, согласно тексту Аль-Азиф, обрёл способности, которые суеверный человек не мог бы назвать никак иначе, чем сверхъестественными: феноменальную лёгкость в усвоении незнакомых наречий, расшифровке не-

домых алфавитов и даже понимании языков животных. Можно верить или не верить приведенной в этой книге информации, но совсем нетрудно допустить, что такая или подобная способность могла обнаружиться у человека, долгие годы учившегося управлять своим разумом. Вряд ли он мог понять чужой язык, едва услышав или увидев незнакомые слова; но длительные тренировки психики вкупе в вызванным долгими медитациями и аскезами инсайтом вполне могли позволить учиться чужим наречиям гораздо успешнее, нежели сумел бы человек неподготовленный. Что же касается языков животных, то, судя по дальнейшему повествованию Аль-Азиф, речь идёт о способности учиться мудрости благодаря наблюдениям за повадками всевозможных тварей, и в такой трактовке это умение воспринимается уже вполне естественным.

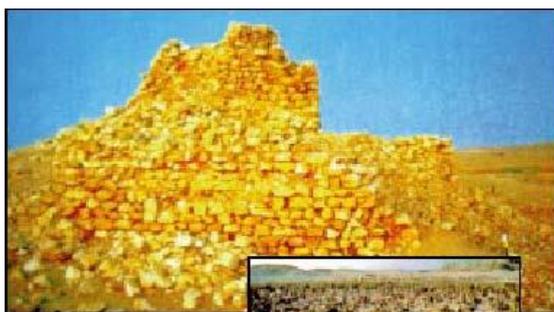
Всё глубже погружался молодой Пророк в Красную пустыню, всё дольше проводил там своё время, пока, наконец, следы его не потерялись на долгие годы. Знаящие его говорили, что он погиб или его похитили джинны. Об этом периоде жизни Ибн Джабира (примерно с 660 по 669 годы) мы можем судить только на основании скудных слов в Аль-Азиф и собственных догадок.

По рассказам Абдуллы, ближе к концу своих странствий по пустыне (выживать в которой он научился благодаря наблюдению за повадками пустынных животных) он обнаружил Ирем, град тысячи столпов, где долгое время изучал древние тексты. Манускрипт Чендлера соотносит Ибн Джабира с Абдуллой ибн Килаба, йеменским бедуином, который, согласно «Муджам аль-Буддан» Йакута ал-Хамави (1179-1229) и «Мурудж аль-Дахаб» Абу аль-Хасана аль-Масуди (896-956), видел Ирем, но сопоставление это возникло намного позже

смерти аль-Хазраджи и весьма маловероятно (как и, заметим в скобках, соотнесение Безумного Поэта с «безумным арабом из Каира» — родившимся в 965 году Абу Али аль-Хасаном ибн аль-Хасаном ибн аль-Хайсамом аль-Басри, называемым историками Запада аль-Хазеном и впервые предложившим идею постройки плотины в Асуанском ущелье). Раскопки Убара не обнаружили ничего, что можно было бы принять за колонны Ирема и его таинственные подземелья, поэтому можно с высокой долей уверенности утверждать, что, добравшись до Убара, аль-Хазраджи был снова настигнут видениями, в которых реальное мешалось с фантазиями (впрочем, есть также версия, что слово, традиционно переводимое как «столпы», на самом деле значит «исполн-

ны»). Говорят, что магрибские волшебники (мукаррибы) входили туда в изменённых состояниях сознания. Для этого они использовали три метода: употребляли особые наркотические вещества, овладевали осознанными сновидениями и практиковали полное отсутствие мыслей. Там, в этом мистическом пространстве, они обща-

лись с обитателями Пустоты и постигали искусство фаны — высшего достижения в суфийском и магрибском мистицизме, во время которого мукарриб сбрасывал с себя оковы материи и поглощался Пустотой. Далее, с помощью определённых тайных техник, он выходил за пределы Пустоты и обретал невероятную власть над существами обеих реальностей — над людьми и над джиннами. Так или иначе, именно здесь окончательно формируются религиозные и философские взгляды Абдуллы на возникновение мира, природу Древних и грядущую эсхатологическую катастрофу, поскольку уже в Йемене, в Санае, куда отправился он после скитаний по пустыне, он приобрёл своё прозвище Безумный Поэт и

Согласно Корану, когда-то в Убаре было воздвигнуто множество произведений искусства и зодчества развитой цивилизации. Сегодня же от них остались лишь руины.

АПОКРИФ

написал свой первый труд, известный как Книга Джиннов и лёгший позднее в основу Аль-Азиф. К этому же периоду относятся эксперименты Ибн Джабира с психоделическими веществами, а также его самые знаменитые стихотворные строки: «То не мертво, что спит: порою даже смерть // В безумии веков способна умереть».

Говорят, Книга Джиннов, написанная Ибн Джабиром (которому некоторые источники приписывают в общей сложности 12 оккультных трудов, не считая писем, рассказов и стихов, первая антология которых сделана предположительно в XI веке), была передана им позднее Абу Саиду ибн Абдулле Хасану Ясару аль-Басри, исламскому богослову из Медины, ровеснику Абдуллы, сыну служанки одной из жён Мухаммеда и основателю суфизма, с которым аль-Хазраджи встретился много лет позднее, в 721 году, в Басре. Через него, согласно преданиям, книга попала в руки

суфиев и оберегается ими по сей день. Аль-Басри проповедовал брэнность жизни и аскетизм, что хорошо сочеталось и со взглядами великого сабия. Когда правителем Ирака стал аль-Хаджадж, аль-Басри принял участие в организованной последней работе по снабжению букв в тексте Корана диакритическими значками. Говорят также, что Книгой Джиннов обладал известный алжирский маг и астролог аль-Буни, использовавший материалы из неё в своём трактате «Солнце великих знаний». Существует также мнение, что отрывки из Книги Джиннов, вошедшие позднее в Аль-Азиф, были переведены Джоном Ди под названием *Grimoirum Imperium*, однако никакими данными, подтверждающими или опровергающими эти версии, мы пока не располагаем. Также в качестве фрагментов Книги Джиннов называют такие работы аль-Хазраджи как «Легенда о Гуле» и «Грёзы Чёрного Лотоса».

9. Жизнь в Йемене

Примерно в 670 году Абдулла появляется в Сане (Йемен). Для современников — а, быть может, и для него самого — возвращение после десятилетних скитаний по пустыне было равносильно воскресению из мёртвых или второму рождению, поэтому все йеменские источники единодушно указывают этот год в качестве года рождения «Безумного Поэта из Саны» (вкуче с «безвозрастной» внешностью аль-Хазраджи это не могло не сказаться на путанице с определением истинного года его рождения). Вероятно, каким-то образом это странствие исполнило данные Ибн Джабиром в молодости обеты: поселившись в Йемене, он не только обзавёлся домом и последователями, но и вступил в близкие отношения с женщиной, имени которой (как и имени его матери, и имени его дочери) история тоже не сохранила, по тем же патриархальным причинам. Сохранились предания, что его возлюбленная была царских кровей и, вероятно, вела свой род от Сайфа Зу Язана, последнего еврейского царя Йемена, поко-

рившего эти земли в 575-576 годах. Предания снабжают эту романтическую историю множеством совершенно неправдоподобных подробностей. В частности, упоминается, что Абдулле было тогда 15 лет, при том что свой пятнадцатый день рождения он справил среди руин Вавилонии; говорится, что аль-Хазраджи жил при дворе царя Йемена, при том что со смерти Сайфа в конце VI века там правили Сасанидские наместники, а с тридцатых годов VII-го — имамы халифата; упоминается также, что за эту связь Ибн Джабиру «отрезали половой член, нос, уши и исполосовали шрамами его щёки, заставили наблюдать, как сжигают на костре незаконный плод его союза с принцессой, и принудили съесть от плоти трупа младенца, после чего увезли его на восток, в Руб аль-Хали, где оставили без воды умирать», — но, как известно, в Руб аль-Хали он был прежде, чем в Йемене, и с половыми органами у него тоже было всё в порядке, судя по тому, что именно в Йемене, незадолго до его отъезда из этой страны, у него появилась дочь.

Точно так же не мог аль-Хазраджи быть учеником знаменитого астронома аль-Бируни, как свидетельствует о том другое предание: во-первых, Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни никогда не жил в Йемене, во-вторых, он родился через два с половиной века после смерти Ибн Джабира.

Абдулла прожил в Сане около двадцати лет, приобретя за это время славу как «безумный араб» (или «безумный поэт») из Йемена, хотя не был ни уроженцем этой страны, ни чистокровным арабом, ни безумцем в психиатрическом смысле этого слова: при том, что зачастую он действительно вёл себя довольно эксцентрично, доказательствами, подтверждающими его настоящее умопомешательство, мы не располагаем, за исключением разве что его хронической неспособности выдерживать нить повествования на протяжении нескольких абзацев, не сбиваясь на другие темы (порою, судя по тексту Аль-Азиф, он даже не может сам разобраться, страшиться ли ему прихода Древних или, напротив, ждать его с радостным нетерпением).

Некоторые историки полагают, что в Сане аль-Хазраджи познакомился с трудами неоплатоника Прокла Диадоха (412-485), который прекрасно ориентировался в астрономии, математике, философии и метафизике, но был при этом будто бы также достаточно искушён в магических техниках теургии, чтобы вызвать зримое явление богини Гекаты, и, кроме того, был посвящён в египетские и халдейские мистерии. К йеменскому же периоду жизни Абдуллы, по всей видимости, относятся выполненные им переводы на арабский древних текстов, обнаруженных им в Иреме, на которые он позднее ссылается в Аль-Азиф: Свитков священной лжи, Книги Ивоны,

Скрижалей Цантху и т. д. (сохранившиеся фрагменты некоторых из них будут опубликованы в следующем номере «Апокрифа»). Отдельные исследователи полагают, что какие-то или даже все из этих книг написаны самим аль-Хазраджи, однако существенно отличная стилистика, а местами и заметно иное видение мира заставляют нас усомниться в такой точке зрения. Эти книги оказали существенное влияние на его мировоззрение: отдельные, порою весьма вольно истолкованные, выдержки из них легли позднее в основу отдельных фрагментов Аль-Азиф.

Причина отбытия Ибн Джабира из Йемена вскоре после рождения дочери тоже достоверно не установлена. Быть может, он понял, что его предназначение — в странствиях, и пора снова отправляться в путь; или причиной стали какие-то социально-политические обстоятельства, на которые были богаты эти годы (так, за время пребывания аль-Хазраджи в Сане перемирие с Византией нарушается, империя лишается Туниса, Алжира и Смирны, Кавказская Албания также присоединяется к халифату, в Дамаске сменяется три халифа из рода Омейядов, изобретается и успешно применяется против флота халифата «греческий огонь», шииты терпят очередное поражение от суннитов, Армения, Ивирия, Албания, Вулкания и Мидия вновь отходят к Византии, монофелитство снова признаётся ересью и предаётся анафеме, а в Риме меняется один папа за другим); или же очередное откровение призвало его направляться в Египет. Так или иначе, после более чем двадцати лет безбедной жизни в Йемене он оставляет свою малолетнюю дочь в Сане и отправляется в новое путешествие.

10. Культ

Как утверждает доктор Генри Эрмитаж, аль-Хазраджи покинул Сану и в феврале 687 года присоединился к каравану, следующему на хадж, а спустя несколько недель прибыл в Мекку. Мы не можем согла-

ситься с такой датировкой. Действительно, караванный путь от Саны до Мекки (при учёте расстояния более 800 километров и средней скорости каравана 40-50 километров в день, с одной днёвкой в неделю) составляет около 4-5

АПОКРИФ

недель (что соотносится с «несколькими неделями», приведёнными Эрмигажем). Однако в 687 году хадж (7 зуль-хиджжа 67 года по Хиджре) приходится на июнь, и даже от последних чисел февраля (хоть по юлианскому, хоть по ещё не существовавшему в то время григорианскому календарю) до него почти четыре месяца. Даже учитывая поправку на непредвиденные сложности пути и полагая, что Ибн Джабир мог прибыть в Святой Город за некоторое разумное время до начала обрядов, мы не можем подразумевать под «несколькими» более восьми-десяти недель, иначе счёт в летописи шёл бы уже на месяцы. Отталкиваясь от сдвига времени хаджа относительно европейского календаря, мы путём несложных вычислений находим, что описанные события могли иметь место только в период с 691 (если Пророк покинул Сану в конце февраля по юлианскому календарю и до начала обрядов оставалось 10 недель) по 698 год (если он отправился в путь в начале февраля и успел в Мекку за 4 недели). Используя косвенные свидетельства, мы можем с высокой долей уверенности утверждать, что хадж Ибн Джабира состоялся между 693 и 695 годом, что не только приходится на середину математически вероятного периода, но и отстоит на 6-8 лет от указанной Эрмигажем даты. Как можно заметить, именно такое расхождение между исламским и европейским календарями накапливается ко второй половине IX — первой половине X века, то есть ко времени первого греческого перевода Аль-Азиф (о чём будет ещё сказано во второй части этого исследования).

Достигнув Мекки и совершив все положенные по канону ритуалы, Ибн Джабир неожиданно открывает мусульманскому миру своё истинное отношение к ортодоксальному исламу. Как утверждают мусульманские источники со ссылкой на не сохранившиеся до наших дней фрагменты Аль-Азиф, в него «вселяется джинн, призванный тайным Орденом», и он читает похабные стишки собственного сочинения возле Каабы, которую публично именует «Камнем-Крокодилом» и «святыней джиннов», за что его чуть было не по-

бивают камнями, но кто-то из мединских родственников признаёт его и заступает за него как за одержимого, меджнуна (позднее он использует это слово применительно к себе сначала в беседе с Хасаном аль-Басри, от которого оно перешло в суфийскую традицию вместе с некоторыми аскезами и медитациями, впервые применёнными Ибн Джабиром, а затем и в Аль-Азиф). Затем он проходит через Медину, где окончательно порывает отношения со своим престарелым отцом, и через Петру, где публично поклоняется Древним на месте древнего святилища Манат. Вероятно, именно в связи с этим событием Абуль-Мунзир Хишам ибн Мухаммед ибн ас-Са'иб аль-Калби в «Трактате об идолах» приводит следующую фразу: «Я поклялся правдивой и верной клятвой Манат у места аль-Хазраджи». Однако сам аль-Калби не мог быть знаком с Абдуллой, а вот отец его, Мухаммед ибн ас-Са'иб аль-Калби (умер в 763 году) был известным знатоком генеалогии, хадисов (как и аль-Хазраджи-старший) и одним из первых авторов толкований Корана, и именно на своего отца часто ссылается в своих трудах Хишам. В некоторых источниках (*Pre-Islamic Deities. Mesopotamia // Cambridge University Press: 1908*) упоминается также письмо Мухаммеда аль-Калби своему сыну, в котором тот говорит о некоем затворнике, очень богатом и мудром человеке по имени Абдулла, у которого он гостил 40 дней и «кто научил меня понимать знаки священного места аль-Хазраджи».

Покинув Петру, Абдулла достигает Иерусалима, где становится свидетелем (или участником) неудачного магического эксперимента своего йеменского ученика Ибн Марута, завершившегося смертью последнего. После этого он проходит Синай и (примерно через год после хаджа) добирается до Египта, где, миновав Бубастис (Пер-Бастет), останавливается в Александрии, в доме некоего Кефнеса, от которого узнаёт некоторые тайны магического ремесла, а также, возможно, получает доступ к каким-то из рукописей, уцелевших после гибели Александрийской библиотеки. Некий мусульманин приглашает его в качестве

заклинателя, дабы «очистить Чёрную Мечеть от её зла», но дело оканчивается скандалом. Здесь Ибн Джабир вновь встречается с Йак-Тообой, который возглавлял в то время группу суфийских мистиков (или их предшественников: первый подобный культ был зафиксирован только в VIII веке), и тот привлекает своего старого ученика к магической и мистической работе. Возможно, это был еретический гностический культ, но записи аль-Хазраджи позволяют предположить, что, несмотря на недоверие к учению Мухаммеда, в основе его мировоззрения всё же лежал ислам (или, точнее, какая-то ветвь ханифизма).

Спустя два года после встречи с Ибн Джабиром Йак-Тооба погибает, убитый неизвестными. За два года, прошедших после его смерти, Абдулла многое узнаёт о ритуальной магии (включая искусство некромантии в исконном значении этого слова — то есть гадания с помощью тел и душ умерших) и управлении Культом. Пережив серьёзную битву за власть со своим названным братом Ибн Газулом, обвинявшим (возможно, справедливо) Ибн Джабира в смерти Учителя, он смог стать новым лидером Ордена. Мучимый кошмарами из-за убийства брата (к которому, несмотря на разногласия, испытывал искреннее уважение и симпатию), он вместе с остальными культистами путешествует по Египту, посетив Гизу, Фивы и другие города, пока, наконец, не останавливается на долгие пять лет в подземных пещерах Мемфиса, после чего объявляет о начале экспансивной политики Культа (сам Ибн Джабир утверждал, что подобные указания были даны ему джинном из катакомб Мемфиса, но возможно, им руководило лишь желание вернуться на родину). Во время одно-

го из таких путешествий к руинам Вавилона таинственным образом исчезли некоторые из членов общины, что также было приписано сверхъестественным силам, но могло иметь куда более прозаичное объяснение (например, устранение нежелательных конкурентов и несогласных с его политикой культистов).

По возвращении в Александрию следы аль-Хазраджи в очередной раз теряются. Нам неизвестно, был ли он в других городах и странах Африки — например, в христианской Эфиопии, или, скажем, в древнем Бенине (некоторые историки даже уверяют, что именно в это время, а не сорока годами раньше, Пророк скитался по Руб аль-Хали и видел Ирем, но это очередные хронологические смещения). По всей видимости, он оставляет руководство Культом и добирается до Ифрикии (нынешняя территория Туниса), поскольку в преданиях говорится, что некоторое время аль-Хазраджи провёл на пиратских судах (хотя и не уточняется, в какой роли: воина или шута, советника или писаря, раба или переводчика, мага или знахаря), а именно там, в бывших финикийских, ныне халифатских владениях находилась главная база средиземноморских пиратов VII-VIII веков. По-видимому, об этом же периоде своей жизни вскользь упоминается в последней книге Аль-Азиф: «Странствуя от острова до острова, слышал я много историй старины и знаний забытых» (отдельно в этом же фрагменте упомянут Крит). Поминаются в записках аль-Хазраджи и Рим, и Константинополь, и «дебри Африки», и даже «остров бриттов», однако нет никакой уверенности в том, что Абдулла сам побывал в этих местах: скорее всего, он просто руководствовался чужими рассказами об этих землях.

11. Путь на восток

Вернувшись из Африки, аль-Хазраджи вновь направляется в Сану, где (согласно биографам IX века аль-Таберни и Абд аль-Джаббару) ненадолго становится во главе «Культа Антихриста» (Ши'а аль-Даджаль). В это время он пишет рассказ «Аль-

Джейдах» («Кара»). Как и стихи, рассказ был утерян, но сохранилось детальное описание его структуры: он состоял из 666 строк и 77 предложений, включая 2100 слов. История повествует о семи героях в трёх действиях и десяти явлениях (отдельных событиях). Неко-

торые соотносят его с произведениями Омара Хайяма, «Озимандиасом» Шелли и работами Кроули. Вдохновлённый (или истощённый) этим творческим порывом, Альхазред в очередной раз покидает цивилизацию, отправляясь в 710 году в самое дальнее и загадочное своё странствие на восток.

Подробный маршрут этого путешествия неизвестен, равно как и то, чем именно занимался он в своём путешествии. Одной из целей — но вряд ли единственной или даже основной — мог стать сбор трав, используемых им в магических экспериментах, поскольку фитогеография Аль-Азиф весьма широка (отдельные упомянутые в тексте травы произрастают аж в Юго-Восточной Азии, однако, без сомнения, он мог приобрести их и гораздо ближе к землям халифата), хотя большая часть ингредиентов произрастает, как можно заметить, на территории Ирака. Значительную часть пути он проделывает вместе с победоносными походами армии халифата. Принадлежал ли он к этой армии официально, неизвестно, однако, по всей видимости, он пользовался уважением в среде арабской аристократии. К этому периоду относятся его стихи «Песнь моего сердца» и «Поэмы для принца». К сожалению, о судьбе других его произведений ничего не известно, хотя современные ему источники упоминают циклы любовных стихотворений, а позже — циклы од. В средние века существовало мнение, что многие поздние стихотворения имели двойной смысл, но он так и не был раскрыт. При арабском дворе никто об этом не подозревал, и не упоминалось более о его деятельности в качестве мага или заклинателя, разве что песни оказывали гипнотическое влияние на слушателей и, как утверждал Каиф Бакар-Шах (685-756), «сияние его светильника являло глазам халифа видения прекрасные и чудесные» (то ли у аль-Хазраджи была некая «волшебная лампа», то ли это лишь поэтическое изображение живой силы его стихов, то ли «безумный араб» использовал наркотические растения, сжигая их в этой самой лампе и вызывая галлюцинации у зрителей). Но за всё время путешествия с армией

халифа никаких скандалов, связанных с тёмными культурами, не возникало.

Посетив Шираз, он вместе с зороастрийскими беженцами следует в Западную Индию, в сторону нынешнего Гуджарата. Повернув на север, он, согласно одному из его биографов, ссылающихся на курдского историка XIII века Ибн Халликана, достигает Пенджаба. Следуя его логике посещения святынь всевозможных религий (Вавилон, Гиза, Мекка, Петра, Синай, Иерусалим, Шираз), можно предположить, что, странствуя по Индии, он мог навестить также в Патну (район в Северной Индии, связанный одновременно с историей возникновения буддизма и джайнизма) и какие-то из многочисленных святых мест индуизма, но, как бы мы этого ни хотели, пока что мы не располагаем никакими данными на этот счёт, поэтому не считаем уместным плодить домыслы о такой и без того полубогатой личности, как Абдулла ибн Джабир ибн Абдулла ибн Амр аль-Хазраджи аль-Ансари.

Судя по упомянутому в первой книге Аль-Азиф имени самодийского божества Нгуо, Ибн Джабир дошёл аж до Южной Сибири, на что указывают следующие слова: «Подымал я полчища супротив земель востока... и, творя сие, познал я Нгуо, бога неверных», — однако подробностей этой истории (кроме того, что «поднятые полчища» он называл «племенем Безымянных») нам неизвестно. Примерно в это же время (около 719 года) Ибн Джабир посещает «Долину Гробниц», расположение которой неизвестно (судя по датировкам — в восточной части бывшей империи Сасанидов), и встречает там халдея Саргона, ставшего последним звеном в цепи его обучения некромантии, а когда учитель скоропостижно умирает, продолжает путь в родные земли.

В Самарканде или в Бухаре, следуя по Великому Шёлковому пути обратно в Персию, аль-Хазраджи встретился с беженцем из Тибета, «безумным ламой» Идаком Янгом (имя это значит примерно «Голос Голодных Духов», что, наряду с сохранившимся благодаря аль-

Хазраджи отрывком из его трудов, даёт веские основания полагать, что он получал свои откровения из того же источника, что Ибн Джабир). Здесь стоит также отметить, что зародившийся в середине VII века тибетский буддизм, ещё не окончательно оформившийся и укрепившийся среди обитателей нагорья, в

этот период — с 650 по 740 год — переживал серьёзный кризис после смерти Сонгцена Гампо, царя Тибета, принёсшего туда учение Гаутама, поэтому появление «безумных» беженцев из этой страны было явлением довольно закономерным.

12. Джабир аль-Азди

Возвращаясь в конце 720 года в Персию через Тус (провинция Хорасан), «безумный араб» узнаёт, что здесь проживает его дочь, вышедшая замуж за йеменского аптекаря Хайяна аль-Азди (надо заметить, что слово «аптекарь» в те времена несло несколько иной оттенок, чем в наше время: если сейчас это обычно наёмный продавец медикаментов со средним фармакологическим образованием, то в средневековой Азии эта профессия была сродни лекарю, алхимику или астрологу и требовала недюжинных познаний и навыков). Аль-Хазраджи появляется в её доме как раз незадолго до рождения у неё сына, которому (что можно рассматривать как акт примирения Абдуллы с умершим более двадцати лет назад отцом) даёт имя Джабир.

(Говоря о потомках аль-Хазраджи, нельзя не вспомнить также о некоем Пьере д'Азраде, упомянутом в комментариях к Книге Бенатх, одной из рукописей Пнакота, где указано, что он «описал снадобье Мреда», помогающее в странствиях по пещерам Пнакота, что он «отыскал в мечети тайное место, посвящённое Древним», и что его «погубила пирамида Аменемхета в Дахшуре, дабы сохранить свои тайны». Родовое имя — француз-

ское «д'Азрад» значит то же самое, что арабское «аль-Хазраджи» — и явная преемственность интересов дают основания полагать, что

речь идёт об одном из потомков Ибн Джабира. Французское имя не должно приводить в недоумение: начиная с арабских завоеваний в Европе и последовавших несколько веков спустя Крестовых походов, контакты Франции с арабским миром были весьма многочисленны и обоюдосторонни, — однако, к сожалению, мы не располагаем ни подробной родословной, ни даже приблизительными датами жизни Пьера д'Азрада.)

Позднее Джабир-младший переезжает в Куфу, что неподалёку от руин Вавилона, где успешно следует по стопам своего знамени-

того деда и менее знаменитого отца, став одним из самых выдающихся алхимиков, медиков, фармацевтов, математиков и астрономов арабского Востока VIII-IX веков. У Джабира аль-Азди было множество подражателей, арабских и европейских (в Европе он был известен под латинизированным именем Гебер), в результате чего лишь о некоторых из двух тысяч работ, подписанных его именем, можно уверенно сказать, что они принадлежат знаменитому внуку аль-Хазраджи. Абу Абдулла Абу Муса Джабир ибн Хайян аль-Азди ас-Суффи

составил комментарии к «Началам» Евклида и к «Альмагесту» Птолемея. Ему принадлежат «Книга о построении астрольбии» (описание этого прибора, полученное от Севери Себохта, Абдулла аль-Хазраджи оставил ему в наследство вместе с некоторыми другими книгами, написанными им или обнаруженными в старинных библиотеках), «Изящный зидж», «Книга о положении светил», «Книга о зеркалах», «Книга ядов и противоядий» и «Книга милосердия».

Благословив младенца долгими годами жизни (Джабир аль-Азди прожил 94 года —

на четыре года больше, чем его дед и прадед; по другой версии, впрочем, всего 82, но и это, согласитесь, неплохо), Абдулла достигает Басры, где, как уже упоминалось выше, встречается с Хасаном аль-Басри, ставшим к тому времени кадием этого города. Группировавшийся вокруг него теологический кружок был центром интеллектуальной жизни Басры и всего Омейядского государства, а авторитет самого аль-Басри был столь высок, что к своим учителям его причисляли и традиционалисты, и рационалисты, и суфии.

13. Садам ибн Шахаб

В Басре аль-Хазраджи знакомится и с Садамом ибн Шахабом — арабским мистиком, вернувшимся недавно из оккупированных халифатом земель вестготов (территория нынешней Португалии), пережившим видения и откровения, аналогичные тем, что испытал сам Абдулла и его тибетский «коллега» Идак Янг, и теперь находящимся в состоянии глубоких сомнений относительно исламского вероучения. Ибн Шахаб был значительно младше Ибн Джабира, но на последнего произвело огромное впечатление литературное творение Садама, известное сейчас как «Сновидения долины Пнакота». Стараясь научиться хоть как-то контролировать свои видения, Ибн Шахаб интуитивно нащупал некоторые из методов работы со сновиденным пространством, широко доступные ныне благодаря Карлосу Кастанеде и Хакерам Сновидений. На некоторое время он, несмотря на молодость, стал учителем аль-Хазраджи по части осознанных сновидений и его проводником по просторам великого Троика, сумеречной долине Пнакота и лабиринтам Зина. Сам же Садам, подобно губке, впитывал

изливаемые напедшим заинтересованного слушателя Ибн Джабиром истории о Древних и изложения медитативных практик, используемых для пробуждения «второго внимания», как сказали бы нынешние сновидцы, равно как и методов выживания в пустыне.

Расставшись со своим учеником и учителем в одном лице, Ибн Шахаб удалился вскоре в Сирийскую пустыню, где провёл долгие годы. Знаменитый суфийский мистик XX века Идрис Шах рассказывает в своей книге «Магия Востока», что во времена первых багдадских халифов из династии Аббасидов (50-е годы VIII века) Садам («Садома») «никогда не брал с собой в пустыню еды, но в любой момент мог добыть воду и фрукты сверхъестественным путём», чем приятно удивлял заблудившихся в песках путников и что приписывали участию то ли джиннов, то ли птицы Рух. Кроме того, пользуясь уроками Ибн Джабира, он написал несколько трудов по магии и мифологии Древних, среди которых (благодаря Эмилю фон Юнтцу) сохранились до наших дней только фрагменты «Сочинения о градах проклятых и таинствах запретных».

14. Появление в Дамаске и проклятие Омейядов

Сам же аль-Хазраджи, оставив Ибн Шахаба в Басре, следует через Вавилон (где он снова останавливается на неко-

торое время, о чём известно из шести написанных на руинах древнего города писем «странника Абдуллы» некоему «Измаилу Да-

масскому»; разумеется, не историческому эмиру Измаилу Дамасскому, а какому-то его тезке) и Пальмиру (в окрестностях которой он находит некую «Чёрную Вершину», где поклонялись Йог-Сототу) в Дамаск, столицу Омейядов. Достигнув города примерно в 722 году, Ибн Джабир с гневом и негодованием узнаёт, что вступивший недавно на престол Язид II издал эдикт, предписывающий уничтожение всех художественных изображений на территории халифата, нарушив тем самым соглашение, заключённое много лет назад между Абдуллой и Муавией. По византийским источникам [*Theoph.*], это решение он принял по наущению некоего иудейского мага, который предсказывал халифу долгое правление, если тот разрушит иконы. Археологические данные подтверждают, что христианские церкви в этот период действительно пострадали, однако эдикт был направлен против всех, в том числе и нехристианских изображений, в связи с чем мы полагаем, что этот маг был знаком и с аль-Хазраджи, и с его пророчеством, и имел какие-то собственные причины разрушить благословение, данное Муавии.

Итак, Абдулла ибн Джабир явился в резиденцию халифа и потребовал немедленно отменить эдикт, а также по мере возможности вернуть изъятые ценности владельцам или компенсировать стоимость безвозвратно утраченного. Взбешённый такой наглостью «безумца», Язид чуть было не велел казнить его на месте, но по каким-то причинам не только оставил в живых, но и предоставил жильё и возможность заниматься научными изысканиями. Однако Абдулла не пожелал или не смог вернуть благословение Омейядам. Язид II умирает в 724 году, в расцвете лет (причину нам установить не удалось, но в данном случае она и не существенна). Его наследник, Хишам ибн Абд аль-Малик, поспешно отменяет эдикт Язида, тщетно надеясь на повторное благословение. Он умирает через несколько лет после аль-Хазраджи, а ещё через десять лет Аббасиды, потомки Али, свергают и истребляют Омейядов по всему халифату, кроме Андалузии. Показательно, что Аббасиды начинают своё правление в Харране, городе в Северной Месопотамии, неподалёку от родной Бет-Арабае Абдуллы ибн Джабира.

15. Аль-Азиф

В Дамаске аль-Хазраджи зарабатывает себе на жизнь несколько странным образом для столь почтенного мужа: исполняя на площадях свои стихи и собирая подаяния за свои эсхатологические проповеди. Примерно в 722-723 году он принимается за один из самых основательных трудов (и единственный, дошедший до нас хотя бы более-менее обширными фрагментами), своего рода завещание, книгу, озаглавленную им Китаб Аль-Азиф (Книга Аль-Азиф). К сожалению, мы не располагаем достоверной информацией о том, что означает это название. Некоторые источники указывают, что в арабском языке это словосочетание означает звуки, издаваемые цикадами и другими ночными насекомыми, которые в фольклоре часто именуются беседой демонов или джиннов, что связывает

эту книгу с историей «шайтанских аятов», упомянутой в начале этого жизнеописания. Историк ислама аль-Нихайя указывает на подобную версию: «Aziful Jinn — это звенящие голоса джиннов... люди пустыни считали завывания ветра песнями джиннов». Попадался нам и достаточно необычный перевод: «Книга исцелений», как знаменитый трактат Ибн Сины (Авиценны). Арабско-русский же словарь Баранова даёт следующие варианты перевода: azif — наступающий (о времени); azifat — страшный суд, всеобщее бедствие. Эта версия (Книга Грядущего, Книга Катастроф или Книга Страшного Суда) кажется нам более похожей на правду, учитывая эсхатологический характер этого произведения.

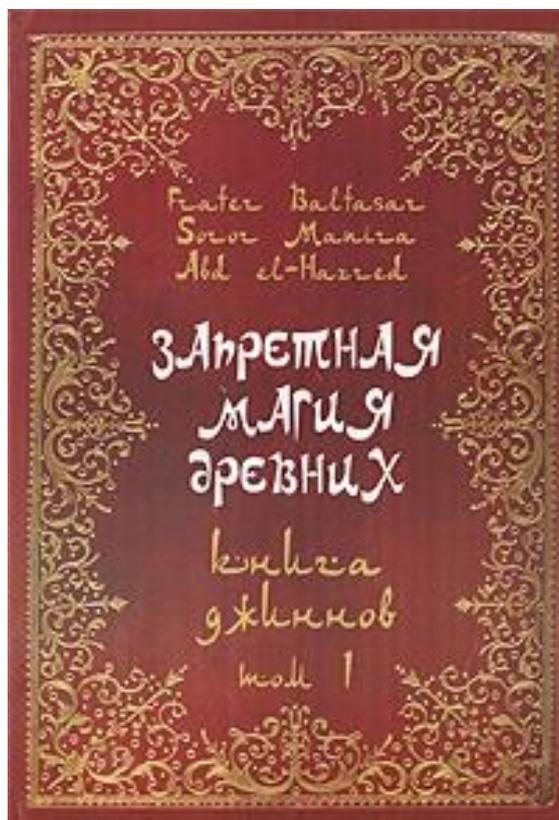
Различные источники указывают на то, что оригинал Аль-Азиф выполнен на челове-

ческой коже. Мы не считаем эту версию в полной мере достоверной, поскольку у проживающего в мусульманском Дамаске аль-Хазраджи вряд ли была возможность добыть и обработать такое количество подобного материала. Однако тщательно произведённая нами экспертиза имеющегося в нашем распоряжении греческого списка выявила, что пергамент находящейся у нас прекрасно сохранившейся греческой рукописи Феодора Филета изготовлен, разумеется, именно из кожи христианских младенцев. Реконструкция этого текста, выполненная культуром «Ктулху Зохаваит Фсех» на основании имеющихся в нашем распоряжении фрагментов и упоминаний в других источниках, греческого списка, обнаруженного в 2006 году при раскопке старинной православной часовни, расположенной примерно на 53° с. ш. и 29° в. д. (т. н. «Библиотека аль-Хазраджи», где находился и ряд иных текстов о Древних), и материалов из лабиринтов Зина, была недавно опубликована издательствами «Метатрон» и «Золотое сечение» под общим заглавием «Завет Мёртвых» в составе трёхтомника «Запретная магия Древних» (ISBN 5-91078-085, 5-91078-086, 5-91078-089), поэтому мы не видим смысла подробно излагать содержащуюся в ней информацию. Кроме того, к истории переводов и изданий Аль-Азиф мы ещё вернёмся во второй части данного исследования. Здесь лишь дадим краткую оценку значимости этой книги, которую она оказала на современников и потомков — или могла оказать, не будь она несправедливо забыта миром на долгие века. Подобно тому, как Нострадамус пользовался

ритуальной магией, чтобы заглянуть в будущее (именно расшифровка его Центурий, как и следовало ожидать, дала нам ключ к местонахождению греческого Некрономикона), так Абдулла ибн Джабир использовал аналогичные приёмы, чтобы узнать прошлое. По этой причине, а также из-за недостатка ссылок, историки и учёные отвергли Аль-Азиф, сочтя его лишённым научной ценности.

Несмотря на то, что книга пестрит всевозможными суевериями, предрассудками и синкретическими (даже эклектичными) мифологическими образами, характерными для Средневековья вообще (порой трудно понять, какие строки выражают истинные взгляды автора, в каких излагаются известные ему легенды, а какие — лишь метафорическое, поэтизированное описание реальности), местами она на много столетий опередила своё время. Описывая планеты, автор использует слово «шар», а не «диск», как сделали бы многие средневековые авторы (впрочем, ещё за пару веков до него о сферичности Земли и других планет было хорошо известно индийским астрономам), и зна-

ет о планете «меж небесами Сатурна и небесами неподвижных звёзд», обладающей единственным спутником (т. е. о Плуtone, открытым лишь в XX веке). В суре «О Йидре, навевающей сны», аль-Хазраджи предвосхитил эволюционные представления XVIII-XIX веков («и слизь обращалась червём, и червь — змием, и змий обращался троглодитом горных лесов, и троглодит обращался человеком»; впрочем, не исключаем мы и того, что он ознакомился с подобными представлениями в

более ранних источниках, вроде индийских же Станцев Акло (Дзиан), написанных неким Пеш-Хун Лану в конце VII — начале VIII в., где эволюционные взгляды описаны ещё более подробно и отчётливо). Регулярны авторские намёки на многомерность пространства, для которого видимая его часть — всего лишь проекция (современные учёные только подбигаются к обоснованию этой концепции). Как утверждают некоторые исследователи, наибольший интерес учёных вызвала пара верховных божеств пантеона Древних — Йог-Сотот и Азатот. Первый из них является воплощением бесконечного хаоса и расширения, иррациональной протяжённости пространства и времени. Он — единая и неразрывная связь между прошлым, настоящим и будущим. Второй — это, наоборот, персонафикация абсолютного сжатия, концентрации времени, пространства и материи в одной точке. Поразительно, но эти образы Аль-Азиф оказались созвучны новейшим открытиям в области квантовой физики и теории поля, попыткам учёным смоделировать процессы, управляющие состоянием вещества, а также изменениям пространства и времени. Не менее поразительно сходство этой пары с высшими сущностями кроулианской Книги Закона — Нюит и Хадитом (к взаимосвязи этих двух традиций мы ещё вернёмся).

Восхищает также весьма поэтичная и мистичная сура «О Каф неведомой, тысячелетней», где — необычайно смело для своего времени и своей страны! — Ибн Джабир прямым текстом призывает Человека стать на одну ступень с богами (ср. также Liber OZ Алистера Кроули: «Нет Бога кроме Человека»), а в суре «Об ахурах, богах земных» столь же прямо заявляет: «грёзы и видения человеческие, вы-

званные к жизни желаниями их и движимые волею их, заставили ахуров (богов) проявиться из ткани пространства в тёмные времена начала рода Адамова». Интересны и суры «О великом Троке, сумрачной долине Пнакота и лабиринтах Зина», «О великом ключе» и «Раскрытие ока грезящего», в которых поэт (к сожалению, очень бегло) обозначает некоторые приёмы работы с осознанными сновидениями. Ряд черт, характерных для Аль-Азиф и других текстов Библиотеки аль-Хазраджи, сближает эту космологию с более известной системой — Каббалой, которая, как считают современные историки, зародилась как раз в Вавилонии и Византии в VII-VIII вв., когда появилось довольно много мидрашей (толкований Торы) с выраженными каббалистическими тенденциями. Надеемся, читатели — маги и не-маги, верующие и атеисты — смогут найти и другие интересные моменты, делающие эту книгу одним из самых значительных трудов по арабской магии раннего Средневековья.

Стоит, однако, заметить, что, при всей своей фундаментальности, Аль-Азиф — всего лишь черновик, незаконченное произведение, так и не прошедшее окончательной авторской редакции в связи с гибелью или исчезновением Ибн Джабира (речь об этом пойдёт чуть дальше). Этим (хотя и не только этим) могут объясняться различные шероховатости текста, несвязность отдельных фрагментов, отсутствие местами чёткой терминологии, использование различных наименований и эпитетов для одних и тех же сущностей или, напротив, одних и тех же — для различных. Полагаем, проживи аль-Хазраджи чуть дольше, он не только довёл бы материал до литературного и философского совершенства, но и одарил бы человечество ещё не одним исследованием.

16. Иоанн Дамаскин

Рассказывая о жизни аль-Хазраджи в Дамаске, нельзя не упомянуть другого его знаменитого современника — Иоанна Мансура Дамаскина, христианского святого, одного из отцов церкви, первого обличителя

ислама, богослова и гимнографа. Его отец Ибн Серджун служил при дворе Омейядов в звании «великого логофета», т. е. мытаря, сборщика податей. Впоследствии его сменил сам Иоанн. Согласно преданию, он учился

АПОКРИФ

вместе с братом Косьмой Маюмским у некоего пленного инока из Калабрии (тоже по имени Косьма). Оба они обнаружили необыкновенные способности: легко усвоили грамматику, философию, астрономию и геометрию, а через некоторое время сравнялись с наставником в знании Писания (к которому здесь относились и Библия, и Коран). После смерти отца Иоанн стал одним из советников халифа Умара II (период правления с 717-го по 720-й) по вопросам христианской веры.

В период иконоборчества (т. е. с 721 года, если иметь в виду иконоборчество мусульманское, или с 730, если византийское; скорее всего, речь идёт о втором) Иоанн выступал в защиту почитания икон. Он написал трактат «Три защитительных слова в поддержку иконопочитания», в которых иконоборчество понимается как христологическая ересь, а также впервые различается «служение», подобающее только Богу, и «поклонение», оказываемое тварным вещам, в том числе и иконам. Книги Иоанна и влияние их на сознание людей привели византийского императора в ярость. Но, так как автор их не был византийским подданным, его нельзя было ни заключить в тюрьму, ни казнить. Император прибег к клевете. По его приказанию от имени Иоанна было составлено подложное письмо, в котором последний будто бы предлагал императору свою помощь в завоевании сирийской столицы. Это письмо император Лев III Исавр отослал халифу. Халиф, не подозревая подлога, приказал отстранить Иоанна от должности, отсечь ему кисть правой руки и повесить её в центре

города на всеобщее обозрение. Вечером по просьбе святого Иоанна халиф повелел вернуть ему отсечённую руку. Согласно христианскому житию, Дамаскин приложил её к суставу и «стал молиться пред иконой Пресвятой Богородицы и просить исцеления». Обессиленный, он будто бы «задремал на молитве и увидел Божью Матерь, которая сказала, что рука его здорова, и повелела усердно трудиться его во славу божию. Проснувшись, святой Иоанн ощупал свою руку и увидел её исцелённой».

Несомненно, две такие выдающиеся личности в одном городе не могли не быть знакомы, однако вряд ли стоит приписывать «чудесное» исцеление Богоматери: поскольку и Ибн Джабир (как мы отметили выше), и Дамаскин были сторонниками использования образов в религиозном культе, а также поскольку оба были весьма широко образованными людьми, между ними завязалось достаточно тесное общение. Поскольку история с отрубленной рукой датируется не совсем точно (не ранее 730-го и не позднее 736-го, когда

Иоанн принял монашеский постриг в Иерусалиме, при том что аль-Хазраджи умер в 732-м), точно неизвестно, помог ли сабий Дамаскину лично или же святой просто воспользовался приёмами, которым научил его маг. Все эти рассуждения, разумеется, имеют смысл только в том случае, если христианское житие правдиво хотя бы в фактологии. Иначе же, что более вероятно, это мог быть либо сговор аль-Хазраджи, Дамаскина и халифа Хишамы, совершённый ими в неких политических целях,

либо умело наведённая Ибн Джабиром или его учеником Иоанном иллюзия. Мы не исключаем также возможности, что житие это изобилует ложью или ошибками, и в таком

случае историческим фактом можно считать лишь сам факт знакомства и дружбы двух жрецов.

17. Последнее путешествие

Наконец, мы подходим к последней странице жизнеописания мага, поэта и вероучителя Абдуллы ибн Джабира аль-Хазраджи аль-Ансари — к истории его смерти. Движимый предчувствиями о приближении смерти, «безумный араб» отдаёт почти всё своё имущество на завершение строительства Дамасской мечети, которая получила большую известность в истории арабомусульманской науки как подлинный университет, где обучали «всем религиозным и светским наукам». Он снаряжает караван на юг в надежде снова добраться до развалин Ирема. Быть может, он хотел умереть именно там, где обрёл осознание своего предназначения (выражаясь в терминах буддизма — Просветление; но, наверное, в данном случае куда уместнее термин телемитской традиции: Знания Бездны); или же он надеялся спастись там от преследующих его во сне и наяву Древних и их эмиссаров; или же он желал найти там некоторые недостающие детали мозаики, должны дополнить его видение мира или принести физическое бессмертие. Так или иначе, за девять дней до смерти он (как следует из текста Аль-Азиф) уже явственно чувствовал, что до Ирема ему не добраться: близилось солнечное затмение, и он знал, что не переживёт его.

Именно затмение позволяет нам с высокой точностью определить время и место смерти аль-Хазраджи. Принято считать, что он скончался в 738 году в Дамаске, однако астрономические данные не позволяют нам принять эту версию: полное затмение в этом году наблюдалось только в районе Аляски и Чукотки, а мы не можем допустить, что даже этот

великий маг и путешественник забрался так далеко, разве только с непосредственной помощью Древних. Мы составили список всех затмений с 720 до 750 года (захватывать больший период, на наш взгляд, не имело смысла) и обнаружили лишь три полных затмения, которые мог наблюдать аль-Хазраджи. Полная фаза двух из них, в 740 и 747 годах, была видна над Эфиопией, третья, в 732 году, проходило по территории Аравии примерно от Мекки до Катара (т. е., как легко заметить по карте, пересекало путь из Дамаска к Руб аль-Хали и Ирему). Таким образом, можно уверенно говорить, что смерть настигла Ибн Джабира в Аравии, недалеко от границ Руб аль-Хали, 1 марта 732 года (что согласуется и с рядом других фактов и дат, как, например, эдиктом Язида II, началом монашества Иоанна Дамаскина, указаниями о времени перевода рукописи на греческий и т. д.), после полудня, но до заката (скорее всего, время можно назвать и точнее, но для этого нам не хватает астрономических познаний). К вопросу о том, почему так разнятся даты, указанные прежними биографами (730 год как год начала написания Аль-Азиф и 738-й — как год смерти, а также девяносто лет жизни у нас в противовес восьмидесяти трём — в традиционных источниках, хотя, казалось бы, из более ранней даты смерти должна следовать и меньшая продолжительность жизни), мы ещё вернёмся, когда речь пойдёт об истории переводов бессмертного творения аль-Хазраджи, сейчас же упомянем некоторые предания относительно гибели Безумного Поэта и его посмертной участи.

18. Вознесение аль-Хазраджи

О его смерти или исчезновении ходило множество зловещих и противоречивых слухов. Сообщают (со ссылкой на черновики Ибн Халликана к его знаменитому труду «О смертях великих людей»), что он «был схвачен и унесён невидимым чудовищем среди бела дня на глазах у множества окаменевших от ужаса свидетелей» (в более развёрнутой версии того же предания, уже не сохранившей ссылки на первоисточник, появляются многие дополнительные детали: «однажды, когда он покупал на рынке вино, его подняло в воздух некое невидимое создание огромного размера и силы, и его голова, руки и ноги были оторваны от торса и съедены, так что всё его тело исчезало из виду по частям, оставляя на песке только брызги крови»). Огюст Дерлет (указавший, кстати, дату смерти аль-Хазраджи гораздо точнее, чем Лавкрафт: 731 год) рассказывает, что Абдулла был заживо принесён Древними или их прислужниками в Безымянный Город (под которым может подразумеваться Ирем или иной город, обнаруженный Безумным Поэтом в его скитаниях), секреты которого он изучал ранее и описал в Аль-Азиф. В наказание за разглашение этих тайн он якобы был ослеплён, ему вырвали язык и, впоследствии, казнили (эти кровавые подробности удивительным образом пересекаются с преданием о «йеменской принцессе», в которую якобы влюбился аль-Хазраджи в Сане, что легче всего объяснить жестоким средневековым «духом времени», чем какими-то подлинными историческими фактами). Более достоверными мы считаем предсмертные свидетельства самого аль-Хазраджи, записанные в последней суре Аль-Азиф. Как явствует из этого текста, накануне смерти он находится в походном шатре, на пути к Ирему. «Безмолвна ночь, пришедшая среди бела дня, — говорит аль-Хазраджи после торопливых наставлений потомкам. — Вой шакалов тих и едва различим... Звёзды тускнеют на местах своих, и луна завесою отдёргнутою являет пламень солнца предо мною. Гули шакалоглавые

окружают святилище моё. Дивные лучи пересекают стены и полог шатра моего, и свет за пределом его утратил яркость свою. Ветер поднялся. Тёмные воды волнуются». Таким образом, смерть настигла его тогда, когда полная фаза затмения уже миновала, и никаких «окаменевших от ужаса свидетелей», упомянутых почтенным Ибн Халликаном, при этом не присутствовало. Мы не можем уверенно говорить о том, умер аль-Хазраджи от ужасных видений, разорвавших его сердце, от старости, были ли убит человеком или иным существом. Нельзя даже сказать наверняка, умер ли он в этот день вообще или просто «пропал без вести», хотя некоторые заслуживающие доверие источники указывают, что тело его тем же караваном доставили в Руб аль-Хали, где он и был похоронен. Сам аль-Хазраджи незадолго до смерти выразил твёрдую веру в то, что обрёл физическое бессмертие и будет взят в земли Древних, как это случилось с Идрисом (Енохом). Апеллируя к признанной международным правом свободе совести и вероисповедания, мы называем это событие Вознесением аль-Хазраджи и приравниваем его к Паринирване Будды (ибо если Иисусу удалось воскреснуть, а Мухаммеду — перенестись в одну ночь из Мекки в Иерусалим, то не выше ли их аль-Хазраджи, Пророк Древних?). Именно этот день последователи Пророка Древних воспринимают как начало нового, ктулхуистического летоисчисления.

Прежде, чем мы перейдём к истории переводов Аль-Азиф, отметим несколько любопытных исторических событий, последовавших за смертью сабийского мистика. Уже в октябре 732 года состоялась битва при Пуатье, в которой объединённые войска франков под командованием Карла Мартелла одержали победу над арабами, остановив продвижение ислама в Западную Европу, а в 739-м франки полностью изгнали арабов со своих земель. В 740 году византийская армия императора Льва III Исавра также одерживает над арабами победу при Акрине. Это сражение положило

конец завоеваниям Омейядов в восточной части Византийской империи. В 743 году берберские племена Испании восстают против арабов, и в течение одного этого года сменяется сразу четыре халифа. В 745-м Константин V возвращает Византии Северную Сирию, в 746-м наносит поражение арабскому флоту у берегов Крита и возвращает империи Кипр. В 747 году в Мервском оазисе восстают сторонники Абу Муслима, в 748-м происходит народное восстание в Армении. Наконец, в 750 году, после трёхлетней борьбы омейядские войска окончательно разгромлены Аббасидами. Халиф Мерван II бежал в Египет и там погиб. Династия Аббасидов вступает на халифский престол и переносит столицу в Багдад. Омейяды и их сторонники безжалостно уничтожаются. Проклятие аль-Хазраджи действует быстро, неумолимо и жёстко.

Еретические тексты и ранние биографы говорят о постижении Безумным Поэтом тайн Красной Пустыни и скором его возвращении

в качестве «Махди Йог-Сотота». Его последователи были подавлены мусульманами и вынуждены скрываться, но Аль-Азиф и другие тексты Библиотеки аль-Хазраджи хранились и переписывались, пока не стали известны в Европе и на Ближнем Востоке.

Другая теория, принадлежащая профессору Альфреду Уэрдуну, заключается в том, что упоминание Св. Фотием (820-891) писаний некоего «Дамаския» — «352 глав невероятных фантазий... 52 глав удивительных легенд о богах... 63 главы о появлении душ после смерти... 150 глав о необычных явлениях» — относится именно к книге безумного араба, а вовсе не к произведениям сирийского философа, последнего схоласта Платоновской Академии и Афинской школы неоплатонизма. Но эта версия ничем не может быть подтверждена, да и не вносит ничего нового в историю Пророка Древних.

Часть II. История Некрономикона

1. О датировках

Неизвестно, сохранился ли хоть один отрывок Аль-Азиф, написанный на арабском языке. Первый перевод этого творения на европейский (греческий) язык сделан примерно в первой половине — середине X века в Константинополе православным учёным и священнослужителем Феодором Филетом, прозванным Мудрым за свою преданность сокровенному знанию (из неевропейских упоминают переводы на сирийский, коптский и арамейский, но об их судьбе неизвестно совершенно ничего). Предания гласят, что греческий перевод издан около 950 года. Мы можем с высокой вероятностью утвер-

ждать, что он выполнен между 900 и 967 годами (а, скорее, где-то в середине этого периода, около 930-940-го). Причина в этой уверенности — то самое расхождение в датах, о котором мы упоминали выше. Между традиционными и установленными нами датировками начала и окончания написания Аль-Азиф существует разница в 6 лет. Разница в 7 лет — между возрастом аль-Хазраджи в момент смерти по преданиям и по нашим расчётам, а также между датами смерти, указанными в преданиях, на которые опирался Лавкрафт, и в произведениях Дерлета. Благодаря разнице в продолжительности юлианского (или григориан-

ского — в данном случае погрешность несущественна) солнечного и исламского лунного календаря именно к обозначенному нами периоду (900-967) расхождение это с года смерти Ибн Джабира увеличивается на 6-7 лет.

Мы тщательно взвесили все математически возможные варианты и пришли к однозначному выводу, что такое расхождение в сторону возрастания года смерти с одновременным уменьшением практически на то же количество лет возраста возможно лишь при соблюдении следующих условий: во-первых, дата смерти автора (или дата начала написания книги) должна быть указана не напрямую, годами от Рождества Христова или Хиджры, а относительно времени начала (или завершения) перевода (скажем, если датировка была произведена в 932 году, в примечании переводчика могло значиться нечто вроде «200 лет назад, в возрасте 90 лет», а не «в 732 г. от Р. Х.»), во-вторых, конвертация дат с исламского календаря на христианский была сделана дважды: если бы она не производилась вообще, в традицию вошёл бы 726 год, если же она производилась единожды, расхождения не было бы вообще и во всех источниках дата смерти совпадала бы со временем полного затмения над Аравией (как отмечалось выше, из подобного же расхождении календарей возникла и разница в датировке хаджа Ибн Джабира, однако там конвертация производилась только один раз, хотя и примерно в то же время, что и в данном случае). Мы можем предположить два способа формирования этой погрешности: либо числа «200» и «90» (или аналогичные им, если датировка происходила не в 932 году), вычисленные по солнечному календарю,

сообщены Филету человеком, предоставившим ему арабскую рукопись, а Филет, решив, что использовался календарь лунный, внёс собственные поправки (учитывая, что Аль-Азиф попала в руки Феодора от обращённого в христианство араба, эта версия выглядит вполне правдоподобно); либо же эти числа были указаны самим Филетом в некоем примечании, не сохранившемся до наших дней, но имевшемся в распоряжении переводчика текста с греческого на латынь (по-видимому, Оле Ворма, хотя существовало, как минимум, два независимых перевода), который и внёс вторую поправку, зная об арабском происхождении текста и исламском лунном календаре, но не догадываясь, что числа указаны по солнечному (этому тоже есть косвенные подтверждения: дата «730» как время начала и/или «738» как время завершения рукописи стоит только в латинских списках или в переводах, сделанных позднее с рукописи Оле Ворма, тогда как в тексте, известном как Некрономикон Симона, переводившемся с более раннего латинского текста, дата не указана вообще).

Возможно, склонить наше мнение в ту или иную сторону способен старославянский перевод Аль-Азиф, выполненный с греческого. Известно, что таковой существовал, а быть может, существует и поныне. Некоторые видные экстрасенсы Киева утверждают, что он хранится в Киево-Печёрской лавре. Если эта рукопись будет всё-таки обнаружена, то, согласно нашим предположениям, указанная в ней датировка оригинала (если таковая имеется) должна совпадать с нашими расчётами. Так или иначе, затмение служит в данном случае достаточным основанием нашей правоты.

2. О списках с греческого перевода

Дональда Тайсон со ссылкой на Оле Ворма отмечает, что было изготовлено не менее 106 копий перевода, выполненного Феодором Мудрым, причём три из них попали якобы в руки Ворма. Он приводит и некоторые подробности жизни Филета после издания Аль-Азиф (как известно, в греческом и

большинстве последующих переводов использовалось другое название, Некрономикон, которое значит примерно «Завет Мёртвых» и которого придерживались мы в своей реконструкции). По его словам, после того, как церковные иерархи ознакомились с рукописью, «против Феодора начались гонения, на него

ополчились духовенство и население города, и его вынудили взойти на ступени главной церкви и осудить творение своих рук как дьявольское, публично молить Христа о прощении за грехи и затем сжечь пергаменты с переводом». За этот акт раскаяния византийские власти будто бы смягчились и, вместо казни переводчика, уничтожили лишь бóльшую часть тиража (всё, что смогли обнаружить). Кроме того, указывается, что его жена и дети умерли от чумы, а сам Феодор скончался спустя некоторое время в бедности и нужде (эти подробности, скорее всего, просто «позаимствованы» автором из биографии другого переводчика Аль-Азиф, Джона Ди).

Полагаем, будет излишним напоминать, каких трудов и затрат стоило бы в X веке создание более сотни копий трактата почти в тысячу страниц или даже только в три сотни (разные источники указывают разные объёмы арабской рукописи, а греческая вряд ли сильно отличалась от неё в этом плане). Кроме того, как утверждается в источниках, более заслуживающих доверия, Некрономикон впервые был запрещён Римско-католической церковью, уже в латинском переводе. Поэтому, скорее всего, греческий манускрипт, выполненный Филетом, был изготовлен всего в нескольких экземплярах (возможно, только в тех трёх или четырёх, о которых речь пойдёт ниже), которые прошли незамеченными для руководства Константинопольской Православной церкви, хотя, возможно, другими переписчиками спустя некоторое время тоже были сняты полные

или частичные списки с греческого манускрипта.

Нам известно, что по крайней мере один из экземпляров рукописи Филета во времена Крещения Руси (конец X века) попал в Киев, откуда проделал долгий путь, оказавшись в конце концов в руках переводчиков Культа (с этого же списка мог быть сделан и вышеупомянутый церковнославянский перевод Некрономикона). Другой попал в западную часть бывшей Римской Империи (по-видимому, в сам Рим), где в начале XIII века с него был сделан первый анонимный латинский перевод. Часто утверждается, что в 1232 году он был запрещён и большей частью уничтожен по распоряжению папы Григория IX. Однако до нашего времени дошли все официальные документы, изданные Григорием, и в них нет ни единого упоминания о подобной книге. Поэтому можно предположить, что либо Аль-Азиф была запрещена им в частном порядке, либо что хронологи или биографы опять что-то напутали с датировками. К тому же, Индекс запрещённых книг (*Index Librorum Prohibitorum*), куда якобы был включён этот перевод Аль-Азиф, возник только в XVI веке, так что максимум, о чём можно говорить в данном случае — это опять же о неофициальных гонениях. Так или иначе, с фрагментов этого издания был сделан впоследствии итальянский перевод, выпущенный под редакцией Фрэнка Рипеля, судьба же полной версии манускрипта неизвестна.

3. О переводах Оле Ворма и Джона Ди

Ещё один экземпляр каким-то образом оказывается в Дании или Северной Германии, где попадает в руки молодого Оле Ворма (1588-1655), будущего доктора медицины Базельского университета (1611) и магистра гуманитарных наук Копенгагенского (1617), который, вопреки многим «знатокам Некрономикона», жил вовсе не в XIII веке, равно как и не был «доминиканским монахом

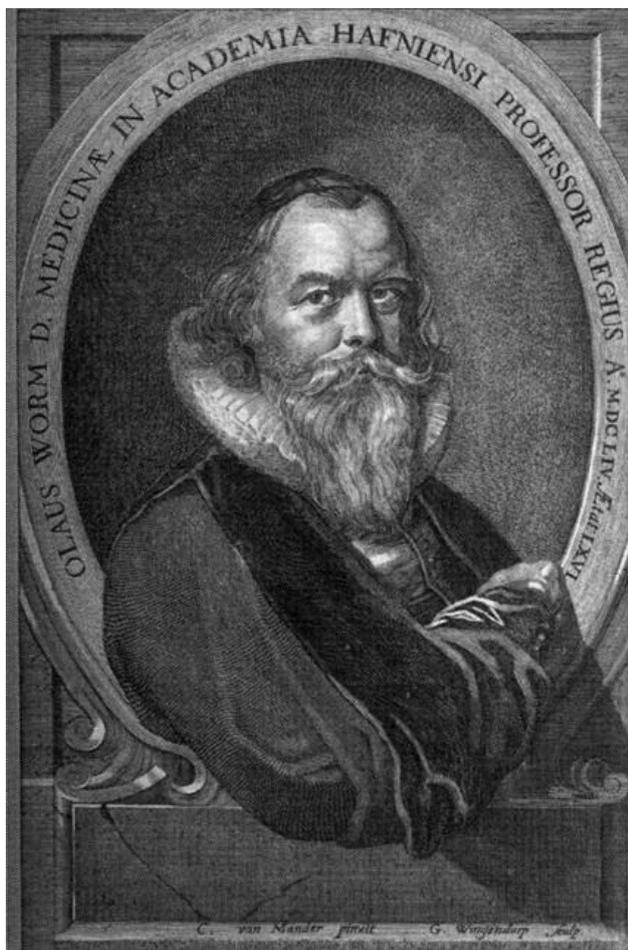
XV века и личным секретарём Торквемады». Оле Ворм (в ту пору ещё студент Марбургского университета) выполнил второй (весьма фрагментарный и по-юношески неумелый) перевод Некрономикона на латынь, который немедленно и очень недорого продал первому желающему. Можно уверенно говорить о том, что эта работа была выполнена в 1605-1607 годах, поскольку именно с неё сделал ещё бо-

лее краткий конспект на английском языке пребывающий в ту пору в глубокой нужде и депрессии великий английский маг и учёный Джон Ди, скончавшийся в Лондоне в конце 1608 — начале 1609 года. Предполагают, что покупателем латинского и заказчиком английского перевода мог выступать Якоб (Иаков) Елизар, известный также как «Чёрный Рабби» и живший в ту пору в Праге (поскольку Рудольф II, тогдашний император Священной Римской Империи, покровительствовал всевозможным адептам тайных наук). Этот же текст, сильно урезанный и искажённый, лёг в основу т. н. псевдо-некрономикона Георгиуса Фенума.

Выполняя перевод, Джон Ди снабдил его (как это было нередко в ту эпоху) вставками из своего собственного текста о Древних — Liber Logaeth, написанного в 1583 году на енохианском языке, повествующего, судя по переведённым фрагментам, о Хастуре и горе Каф

(Кадафь) и более известного в среде магов как Liber Mysteriorum Sextus et Sanctus. Хотя Некрономикон Уилсона, известный ныне под названием Liber Logaeth, не является переводом или расшифровкой этой книги английского мистика, в него, действительно, помимо фрагментов из Аль-Азиф, проникли некоторые стилистические особенности енохианского оригинала Liber Mysteriorum. Кроме того, представляется весьма вероятным, что около 1580 года Джону Ди достались фрагменты из ранней версии Аль-Азиф, известной как Книга Джиннов, которые стали основой его Grimoirum Imperium, однако мы не исключаем и более позднего возникновения этой компиляции, приписываемой великому магу. Обе эти версии (равно как и эксперименты Ди и Келли с енохианским языком, которые велись как раз в 80-е годы XVI столетия и могли привести к результатам, аналогичным тем, которых достиг в своё время аль-Хазраджи) могут объяснить настойчивые попытки историков датировать английский перевод Аль-Азиф этим периодом, несмотря на невозможность существования к тому времени латинского пе-

ревода Оле Ворма, родившегося только в 1588 году.

После смерти Джона Ди манускрипт (и латинский, и английский) достаётся другому, менее известному английскому магу, Майклу Калмару, который на его основе пишет свой «Обряд призвания Йог-Сотота». Ещё через некоторое время английский текст попадает в числе прочих реликвий, связанных с культом Древних, в библиотеку некоего тайного общества, возглавляемого аббатом Бартоломью, дальнейшая же судьба латинского текста не установлена. Точные даты жизни аббата также не выяснены, однако известно, что в 1680-х годах он занимался расследованием дела о

чёрной магии в Англии по распоряжению папы Иннокентия XI (именно тогда аббат сам обратился к учению аль-Хазраджи, равно как и к другим версиям средневекового «чёрного искусства»: по-видимому, он не делал различия между культом Древних и поклонением Сатане). Сохранённые благодаря аббату-отступнику фрагменты Аль-Азиф легли в основу большинства современных списков этой книги: Некрономикона Уилсона, «Метафизики Лавкрафта» Антона Шандора ЛаВея, Книги Йог-Сотота, Гримуара Ктулху, Ритуалов Древних и т. д., а также цитат, приведённых Лавкрафтом, Дерлетом и прочими.

4. Испанский след Книга Аль-Азиф

Кроме переводов, восходящих к греческому тексту Феодора Филета, исследователи (в частности, доктор Карлос Сорентино) называют перевод, так же восходящий к арабскому оригиналу.

Абдулла Суали ибн Дауд (Авендат), также известный как Иоанн Севильский, еврейский врач и переводчик из Толедо (которого Римско-католическая церковь, к слову сказать, недавно объявила покровителем Интернета), приобрёл в 1164 году медицинскую библиотеку андалузца Ибн Джилджила, который во второй половине десятого века состоял на службе у Хишам II. Среди медицинских текстов и гербариев Иоанн нашёл копию Аль-Азиф на арабском языке. Но, будучи христианином и потому не в состоянии оценить всю природу книги, Иоанн передал книгу ученику, Абд аль-Кадиру аль-Джилани. Глубоко набожный мусульманин, аль-Джилани понял богохульный характер книги и, разрываемый между религиозными предрассудками и научным стремлением, передал её на хранение Абд аль-Хаку, секретарю кордовского халифа. Вскоре после того аль-Джилани впал в кому и умер в 1166 году.

Аль-Азиф оставалась в Кордове до тех пор, пока город не был вновь завоёван христианами в 1236, и в конце XVI — начале

XVII века библиотека Мескиты (Кордовской соборной мечети) была передана Алонсо де Охедой в Саламанку. В XVI веке Леон де Сагрето, уроженец Таррега, перевёл Аль-Азиф на испанский как «El Libro De Los Antiguos Demonios Escrito por el Arabe Abdul Hazred». В каталог было занесено «Impreso a la gloria de Sancta Catherina, gloriosa Virgen Patrona de la Universidad de Salamanca, por Cornelio Bonardo. Año del Señor de 1512». Нет никакой информации о том, сколько копий было напечатано. Следует обратить внимание на то, что название перевода — «книга древних демонов» — более приближено к арабской, оригинальной семантике, чем греческое слово «Некрономион», выбранное Феодором Филетом.

В 1559 году перевод на испанский был якобы включён в список еретических книг «Index Librorum Prohibitorum», а в 1623 трибунал Толедо по требованию Папы приказал сжечь помимо других еретических книг и копию испанского перевода Аль-Азиф. Однако нет никаких доказательств тому, что арабский оригинал был уничтожен. Нет никаких упоминаний Некрономикона в Индексе 1559 года или в последующих Индексах.

Как утверждает Карлос Сорентино, в 1952, в Национальной библиотеке Буэнос-

Айреса находилась копия испанского перевода под названием «Sagredo, Leon. El Libro De Los Antiguos Demonios Escrito por el Arabe Abdul Hazred, Salamanca, 1612». Эта запись в каталоге озадачивает. Во-первых, год указан как 1612, в то время как Гиацинт Фрейре де Андраде (1597-1657) относит публикацию перевода де Сагредо к 1512-му. Во-вторых, упоминание о

Палау загадочно, потому что этот библиограф предположительно никогда не вносил в каталог «Al Azif or El Libro De Los Antiguos Demonios Escrito por el Arabe Abdul Hazred». Кроме того, Палау никогда не работал в Буэнос-Айресе. Или это — ссылака на другую, неизвестную копию испанского перевода?

5. О «Стеганографии» Иоганна Тритемия

Чтобы окончательно закрыть тему латинского перевода, выполненного Оле Вормом, нельзя не упомянуть один текст на латинском языке, выложенный в Интернете под заголовком «Kitab al-Azif», снабжённый множеством иллюстраций из всевозможных магических (и не только) текстов разного времени и начинающийся словами «Nos est ars per occultam scripturam animi sui voluntatem absentibus...» Этот материал представляет собой вульгарную и грубую мистификацию, составленную из обрывков классических латинских текстов античности и Средневековья: произведений Иоганна Тритемия, Джордано Бруно, Атанасиуса Кирхера, Авиана, Пьера Абеляра, Эйнхарда, Ливия, Секста Пропертия, Вергилия, Цицерона, Блаженного Августина, Агнелия, Тацита, Эгерии, епископа Исидора, Рабана Мавра и даже из библейской Книги Эсфири, в которых имена и названия мест заменены большей частью на имена и названия из подлинной Аль-Азиф. Из перечисленных авторов, однако, особый интерес представляет Иоганн Гейденберг Тритемий (1462-1516), один из основателей мистического «Кельтского братства», и его книга «Стеганография». Жак Бержье, автор сочинения под названием «Проклятые книги», сообщает, что рукопись «Стеганографии» была сожжена по приказу графа Электора Филиппа, наместника Филип-

па II, который обнаружил её в отцовской библиотеке и пришёл от неё в ужас. Не осталось ни одного полного экземпляра этой книги, однако сохранились отрывки из рукописи (примерно три восьмых от первоначального объёма), и именно они составляют начало данной компиляции, выдаваемой за Некрономикон Оле Ворма.

О чём же шла речь в «Стеганографии»? Приведём слова самого Тритемия: «Могу вас заверить, что все, а тем более невежды, решат, что этот мой труд, в котором я раскрываю многие неизвестные секреты и тайны, заключает в себе сверхъестественные, удивительные и невероятные вещи, поскольку никто до меня никогда ещё не писал и не говорил об этом. Первая книга содержит описание более сотни способов тайнописи, не вызывающей ни малейших подозрений, о чём угодно и на любом известном языке... Во второй книге я расскажу о ещё более поразительных вещах, касающихся способов, которыми я смогу точно и надёжным образом передать свою волю любому, кто постигнет смысл моей науки, как бы далеко он ни находился от меня, пусть даже за сто вёрст, и при этом никто не заподозрит, будто я пользовался какими-либо знаками, фигурами или буквами; а если я воспользуюсь услугами гонца, и этого гонца перехва-

тят в пути, никакие мольбы, угрозы, посулы и даже пытки не принудят этого гонца открыть секрет, потому что он ничего о нём не будет знать; вот почему ни один человек не сумеет открыть тайну...» Исходя из этого сообщения (а также из сохранившегося предания, что Тритемий в своё время получил латинский перевод Аль-Азиф от неизвестного — якобы... Оле Ворма — вместе с «подробной и весьма богохульной интерпретацией нескольких

фрагментов Книги Бытия»), мы имеем основания предполагать, что, несмотря на явную фальсификацию данного «латинского Некрономикона», в ней может содержаться некая зашифрованная стеганографическими методами значимая информация. Нарботки по расшифровке отдельных таких моментов у жрецов культа «Ктулху Зохаваит Фсех» уже имеются, и приведут ли они к более серьёзным результатам, покажет время.

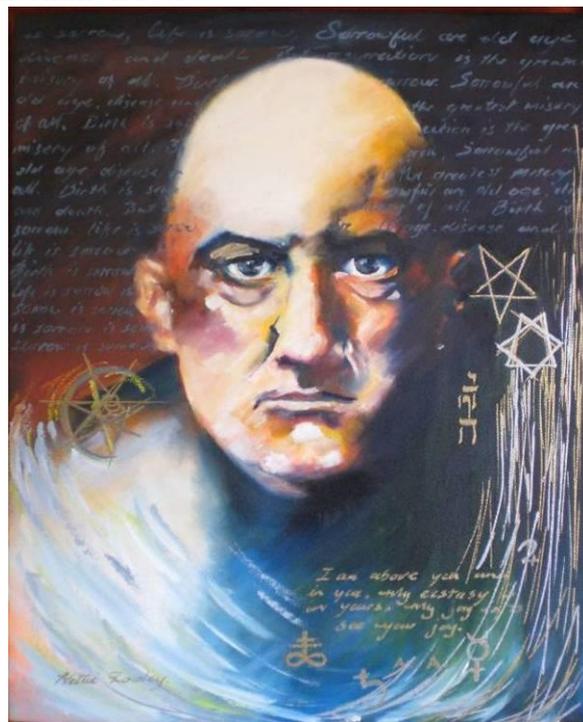
6. Об Алистере Кроули

Наконец, четвёртый экземпляр рукописи Феодора Филета, судьбу которого мы можем отчасти проследить (хотя, конечно, это может быть и один из упомянутых выше), в сильно переработанном под шумеро-аккадскую мифологию варианте становится текстом, ныне широко известным как Некрономикон Симона. Несмотря на уверения издателей, этот список переводился с греческого не напрямую, а тоже через латынь, поскольку следы латинского влияния заметны благодаря некоторым сохранившимся латинским корням в заклинаниях, большей частью (хотя и очень посредственно) переведённых на шумерский.

По-видимому, именно с этим списком в начале XX века познакомился выдающийся мистик, основоположник учения Телемы, называвший себя «Зверем 666», Алистер Кроули. Тот факт, что история его якобы имевшей место связи с Соней Грин, женой Лавкрафта, весьма недостоверна (действительно, Лавкрафт впервые упоминает Некрономикон в рассказе «Пёс», который он написал в середине октября 1921 года, через три месяца после первой встречи с Соней; но Альхазред в первый раз появляется в «Безымянном городе», который он написал в январе 1921, за шесть месяцев до встречи со своей будущей женой, а задолго до этого служит детским прозвищем самого Лавкрафта), не умаляет явного влияния Аль-Азиф на творчество Кроули и, в первую очередь, на его Книгу Закона.

Почему он не упоминает о Некрономиконе в своих трудах? Дело в том, что Кроули

был на удивление скрытен в том, что касается источников его информации. Так, например, сочинение под названием Liber 777, на авторство которого он претендовал, в действительности является, по большей части, плагиатом из записок Алана Беннета, его Учителя (и, заметим в скобках для разделяющих теорию о реинкарнациях и аватарах, одной из недавних эманаций Ньярлатхотепа). Кроули всячески старается утаить влияние, которое оказал на него Ницше, хотя однажды, проговорившись, ссылается на него как на «аватару Тота, бога мудрости». Аналогично обстоят дела с влиянием Ричарда Бёртона на учение Кроули об «истинной воле».

Фрагменты из Аль-Азиф, несомненно, должны были весьма смутить Кроули, когда тот обнаружил, до какой степени он (возможно, сам того не осознавая) использовал эту рукопись как источник вдохновения при написании Книги Закона, поэтому отнюдь не стоит удивляться, что он не стал афишировать этого влияния. Зато всерьёз взялся разрабатывать тему Древних в рамках своих клипотических исследований ученик Кроули, Кеннет Грант, основатель Ложы Новой Изиды и Тифонического Ордена Восточных Тамплиеров, магических обществ, работающих с «изначной» стороной каббалистического Древа Жизни. Книги Кеннета Гранта, среди которых «Тёмная сторона Рая», «Культы Теней», «Вне Кругов Времени» и «Фонтан Гекаты», предлагают интересный магический взгляд на темы Клипот, принадлежащий одарённому оккультному учёному. Во многих из его работ поднимается вопрос о Древних и Некрономиконе, причём, будучи учеником Кроули, он несколько не сомневается в аутентичности этого трактата.

Есть и более простая и интересная, хотя и менее подлежащая проверке гипотеза о вза-

имосвязи учения Древних с оккультными взглядами Кроули. Великий Зверь называет несколько своих воплощений, среди которых есть и исторические личности: например, Элифас Леви, граф Калиостро и... Эдвард Келли. Все вышеупомянутые — эксцентричные маги со скандальной репутацией, не чуждые эпатажу, а то и откровенному шарлатанству. Невольно возникает вопрос: а не был ли аль-Хазраджи (подобно Келли, который и сам был не чужд теме Древних и, соответственно, мог «передать» свои знания Кроули по цепочке воплощений) ещё одной инкарнацией Мастера Териона?.. Поскольку учение и многочисленные практики, разработанные «Зверем ббб», при его участии или его учениками, во многом определили судьбу современного оккультизма, а также поспособствовали формированию современного направления религиозной мысли, известного как Нью-Эйдж (вспомним также о проникновении техник «безумного араба» в суфийскую практику), можно с чистой совестью приписать эту заслугу Абдулле ибн Джабиру аль-Хазраджи, автору бессмертного трактата о Древних.

7. О принципах перевода

Стоит ещё сказать пару слов о некоторых принципах, которыми мы руководствовались, готовя свою реконструкцию Аль-Азиф. Прежде всего заметим, что в нашей редакции «Завета Мёртвых» собраны преимущественно те фрагменты, которые нам удалось сопоставить с другими списками, некоторые из которых рассмотрены выше. Главам, обнаруженным исключительно в манускрипте Феодора Филета, необходимо пройти более серьёзную экспертизу, но и они, смеем надеяться, когда-либо увидят свет. Кроме того, некоторые страницы рукописи утеряны, а некоторые фрагменты текста (не сильно большие на фоне сохранившегося текста, но всё же местами обширные) повреждены. Номера книг и сур и деление на аяты в оригинальном тексте отсутствовали, поэтому мы не всегда можем судить об объёме этих лакун. В связи с этим

нумерация, введённая нами для облегчения цитирования и исследования, учитывает на данный момент лишь сохранившиеся и уже переведённые материалы, поэтому полная ссылка на тот или иной аят должна, помимо номера книги, сур и аята, включать также порядковый номер редакции Аль-Азиф, выполненной жрецами Культа. Возможно, хотя бы некоторые из этих лакун со временем тоже заполнятся, если будет на то воля Великого. Не исключаем мы и возможности получения новых откровений от Древних, восполняющих пробелы в трудах Ибн Джабира.

Мы постарались переводить рукопись максимально близко к тексту, даже если смысл сказанного Арабом был нам не до конца понятен. В ряде сур нами были обнаружены существенные расхождения текста Филета со всеми известными нам списками Аль-Азиф. В боль-

шинстве таких случаев мы отдавали приоритет греческому тексту как наиболее древнему, кроме тех случаев, когда один из более поздних вариантов более ясно или обстоятельно освещал затронутый вопрос. Варианты из других источников учитывались, прежде всего, в тех случаях, когда фрагменты греческого текста были повреждены или отсутствовали. В наиболее трудных случаях (прежде всего при расшифровке заклинаний) мы прибегали также к комплексному компьютерному и фонетико-лингвистическому анализу текста, что позволило уточнить ряд транскрипций и перевести многие фрагменты, прежде представлявшиеся непереводаемыми. Что же касается изображений, то те из них, которые хорошо сохранились в греческой рукописи, были отрисованы в векторном редакторе, а имеющиеся только в поздних фрагментарных списках оставлены как есть или отредактированы исходя из общих принципов перевода и сохранившихся участков.

Большинство биографов отмечает, что арабский оригинал был большей частью стихотворным, объединяющим черты поэмы-месневи, традиционной моноримической арабской поэзии и авторские эксперименты Абдуллы с прозаическими и иноязычными вкраплениями. К сожалению, эта особенность совершенно не передана в рукописи Филета, который, по всей видимости, не обладал даром стихосложения: лишь несколько фрагментов греческого перевода написаны рифмованными строками не самого лучшего технического качества, поэтому только в некоторых местах мы довольно произвольно включили в русский перевод элементы традиционной поэзии мусульманского Востока. Другие стихотворные фрагменты переведены в стиле греческой рукописи, остальной же текст дан в прозе. Возможно, со временем эти пробелы тоже будут нами хотя бы отчасти восполнены.

По мере возможности мы также вычищали анахронизмы, явно внесённые в текст греческим переводчиком, заменяя их на ближневосточные реалии (так, например, название «Геркулесовы столпы» было заменено на араб-

ское, Джибель аль-Тарик, что значит Гибралтар, а «земли, называемые греками Месопотамией», заменены на «земли Междуречия»). Также мы постарались свести имена богов, сильно различающиеся в разных списках Аль-Азиф, к единому перечню, для чего использовали расширенную каббалистическую таблицу клипотических соответствий Liber 888, составленную жрецом-архивариусом Культа Ньярлатхотепом Отисом на основе таблицы 777 Алистера Кроули и Алана Беннета, перечней имён, приведённых в рукописи Феодора Филета и других материалах Наследия Древних, а также незаконченных фрагментов из трудов аль-Хазраджи.

Отдельно стоит рассмотреть заклинания, встреченные в тексте Аль-Азиф. Будучи практикующими магами, мы не понаслышке знаем, что понимание значения ритуала или заклинания гораздо важнее бездумного его заучивания и повторения. Наша публикация — это, прежде всего, не гримуар ритуальной магии, а Священное Писание, раскрывающее многие стороны нашего вероучения. Кроме того, большинство заклинаний в рукописи Феодора Мудрого приводятся преимущественно на греческом языке, тогда как в общедоступных шумерских текстах из Некрономикона Симона встречается ряд грамматических ошибок, неправильных транскрипций и греческих заимствований. Более того, отсутствие и в халифате времён написания Аль-Азиф, и в Византии времён её перевода устойчивой транслитерационной системы (что лишь отчасти восполняется своего рода «билингвами» — текстами, записанными в рукописи Филета и греческими буквами, и знаками особых алфавитов, предположительно составленных или обнаруженных самим Абдуллой аль-Хазраджи) позволяет уверенно утверждать, что ни нам, ни другим «знатокам Некрономикона» неизвестно доподлинно точное произношение аутентичных заклинаний, включая ударения и интонирование.

Фонетический состав отдельных заклинаний напоминает шумерский, в других же присутствуют звуки, отсутствующие как в шу-

мерском, так и в семитских языках (к которым, в частности, относится арабский), зато имеющиеся в персидском или армянском. При этом уверенно распознаётся язык лишь некоторых заклинаний. Иногда это действительно какой-то диалект шумерского, иногда же — т. н. «огготский» (либо некое древнее наречие, либо язык, разработанный самим аль-Хазраджи, подобно енохианскому, разработанному Эвардом Келли и Джоном Ди), иногда — язык, явно отличный от этих двух (в который порою вклиниваются слова, похожие на греческие). Всё это затрудняет написание точной транскрипции текстов, поэтому, дабы не искушать Древних неверными призываниями, тексты заклинаний приводились нами на русском языке везде, где это было возможно и уместно. Все транскрипции иноязычных включений — приблизительные и предварительные.

Помимо основной части, включающей частичный перевод Аль-Азиф Феодора Филе-

та, в нашу редакцию Завета Мёртвых включён также ряд других материалов, обнаруженной в Библиотеке аль-Хазраджи (они будут опубликованы в 17-м выпуске «Апокрифа»), а также некоторые статьи и исследования на близкие темы, написанные уже в Новое время. В некоторых случаях нами использовались чужие переводы или тексты, изначально написанные на русском языке, однако имена, названия и цитаты из Некрономикона приведены в них к принятому в данном издании образцу. Редакторская группа предупреждает, что точка зрения авторов отдельных материалов может не совпадать как с официальной позицией КЗФ, так и с частными мнениями жрецов Культа. Добавим также, что, как и в случае с приведённой выше биографией, мы всячески приветствуем конструктивную критику перевода и готовы учитывать её в следующих изданиях Священных Писаний Культа.

8. Некоторые другие легенды о Некрономиконе

В заключение отметим, что, согласно произведениям Лавкрафта и других авторов, существуют несколько экземпляров Некрономикона, которыми владели или владеют различные учреждения и частные лица. Некрономикон якобы хранится в Британском музее, Национальной библиотеке Франции, библиотеке Гарвардского университета, библиотеке Ватикана, университете Буэнос-Айреса и в библиотеке вымышленного (или находящегося в параллельной реальности, что в данном случае равнозначно) Мискатоникского университета в таком же вымышленном Аркхеме (слово это образовано от «аль-Кхем», Чёрная Земля — арабского названия Египта; отсюда же — «алхимия»; любопытно, что от арабского «аль-Кхем» происходят целых три эпитета Ньярлатхотепа: Египтянин, Тёмный и Властитель алхимии, — что можно списать на вольность переводов с арабского), штат Массачусетс. Рассказывают, что перевод Джона Ди будто бы пропал из Оксфорда весной 1934 года, а в Британском

музее было совершено несколько неудачных попыток ограбления, в результате чего издание Оле Ворма было извлечено из каталога и перемещено в подземное хранилище в закрытом сланцевом руднике в Уэльсе (где во время Второй Мировой хранились королевские драгоценности). В исчезновении Аль-Азиф из общественных учреждений обычно обвиняют либо масонов (которых вообще обвиняют во всём подряд), либо членов Ордена Восточных Тамплиеров времён Алистера Кроули, либо нацистов, верхушка которых была неравнодушна к оккультизму. Утверждают также, что Аль-Азиф Абдуллы аль-Хазраджи и Некрономикон Джона Ди — два совершенно разных трактата, причём Ди якобы просто «маскировал» собственные откровения под «сарацинские», поскольку они показались ему чересчур «сатанинскими», чтобы публиковать их под собственным именем. Наконец, перечисляя легенды о Некрономиконе, нельзя забывать и такую (взятую с некоего сектоведческого сайта): Альхазред, Кроули и ЛаВей писали свои

АПОКРИФ

сатанинские книги в 70-е годы XX века, об-суждая их за кружечкой пива ☺

В настоящее время Некрономикон (кро-ме поздних редакций, выполненных Симоном, Уилсоном, Тайсоном, Рипелем и другими) не упоминается ни в одном библиотечном ката-логе, и нет никаких достоверных подтвержде-ний тому, что книги, подобные Аль-Азиф, находятся или когда-либо находились в ука-занных учреждениях (исключение составляет знаменитый манускрипт Войнич, который, несмотря на уверения отдельных интернет-магов, не расшифрован по сей день, однако многочисленные иллюстрации этой рукописи позволяют однозначно заявить, что она не яв-ляется списком с Аль-Азиф Абдуллы ибн Джабира аль-Хазраджи). Нынешнее местона-хождение аутентичных копий Некрономикона неизвестно (даже рукопись КЗФ хранится в глубокой тайне от простых культистов); суще-ствует легенда о том, что в военное время неподалёку от Зальцбурга находилось боль-шое хранилище оккультных и магических до-кументов. Также постоянно возникают слухи о том, что специально для Гитлера была сделана копия Аль-Азиф на коже узников концентра-ционных лагерей, и что следы этой копии те-ряются где-то в тайных лабораториях «Кёниг-сберг-13». Ещё одна копия будто бы хранится на пластинах из чистого золота где-то в Тибете (есть мнение, что именно этот текст, храни-мый асури, пребывающими в состоянии сома-ти, является истинной целью путешествий знаменитого окулиста Эрнеста Мулдашева).

Согласно одной легенде, существует только один подлинный Некрономикон, ко-торый по собственному желанию появляется иногда в разных местах, или же что в подлин-ный Некрономикон входят семь томов, но лишь последний, сокрытый ото всех, несёт действительно ценную информацию. Другое предание гласит, что в каждый момент на Зем-

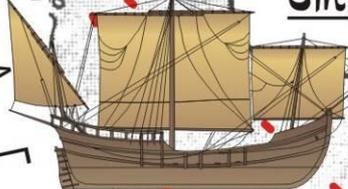
ле пребывает строго ограниченное количество полных версий Аль-Азиф (чаще всего указы-вают число 96), но лишь семь из них (также называют число 9) имеют реальную ценность, то есть могут служить вратами в другие изме-рения: три на арабском языке, одна на грече-ском, две на латыни и одна на английском (та, что вышла из-под пера Джона Ди). Остальные копии якобы несут в себе какие-то дефекты, но и они наделены огромной силой. Иногда эту информацию дополняют также утверждением о том, что такое положение дел сложилось лишь в XVII веке. Некоторые «исследователи», напротив, заявляют, что оригинал Аль-Азиф вообще написан не на арабском, а на шумер-ском, а то и на енохианском. Действительно, как было отмечено выше, в книге присутству-ют заклинания на шумерском (хотя и гораздо меньше, чем у Симона), а в одном из списков есть единственная фраза на енохианском (но это, скорее всего, перевод Джона Ди, поскольку в греческом списке та же самая фраза даётся по-гречески). Однако не вызывает сомнения, что Феодор Филет переводил именно с араб-ского, и огромное количество особенностей перевода определённо указывает на то, что ни шумерский, ни, тем более, енохианский не могли служить исходным текстом.

Рассказывают также, что Некрономикон дополняется и изменяется по сей день, следуя своей собственной непостижимой воле, а так-же что книжная форма — лишь зримое про-явление истинного Некрономикона, на самом же деле он пишется Ньярлатхотепом на ткани Истории чернилами человеческих жизней. Если в этих легендах есть хоть какая-то доля правды, мы, жрецы и рядовые члены культа «Ктулху Зохаваит Фсех», твёрдо верим: именно такой, подлинный и обладающий собствен-ной волей, экземпляр хранится у нашего Не-называемого Верховного Жреца, и именно с него сделан наш перевод.

СТРАНСТВО У Аль-Хазражи

Тунис

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ ПИРАТЫ

Александрия

Дамаск

Пер-Бастет

ок. 694/696-696/698

Гиза

Мемфис

ок. 700-705

Иерусалим

ок. 693/695

Петра

Пальмира

Нусайбин

род. 8.08.642

Мосул

659

Вавилон

ок. 706

Ур

652-658

Басра

660

721

Ши

К

Медина

ок. 693/695

Мекка

ок. 693/695

ум. 1.03.732

660

Сана

670-692/694

708

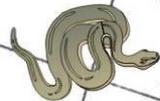
Ирем

660-669

668

М
А
Г
Р
И
В
30°
20°
10°

В
И
З
А
Н
Т
И
Й
С
К
А
А
Н
Т
И
Й
С
К
А
Г
Р
У
З
Х
А
З
А
К
А
Г
А
С
И
Р
И
Я
П
А
Л
Е
С
Т
И
Н
А
А
З
Е
Р
Б
А
Й
Д
Ж
С
П
Е
Т
И
С
С
И
Н
А
Й
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
Т
Р
О
П
И
К
Ж
А
Л
И
Р
У
Б
А
Л
Ь
-
Х
А
Л
И
М
Е
Н

Уилсон против Симона?²

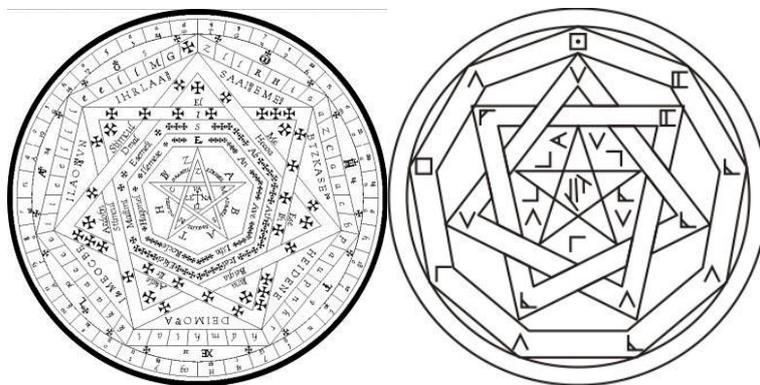
На сегодняшний день наиболее распространены две основных версии Некрономикона: Некрономикон Уилсона-Лэнгфорда-Тёрнера-Хэя и Некрономикон Симона.

Рассмотрим каждый из них в отдельности, начнём с Уилсона:

1. В предисловии сказано: «Исследователи осуществили перевод зашифрованной рукописи Джона Ди под названием *Liber Logaeth*», но это полнейший абсурд, так как от подобных вещей Ди был весьма далёк: он занимался собственной системой, енохианской магией, и хотя он и написал *Liber Logaeth*, она представляет собой таблицы с буквами и числами в определённом порядке, безо всяких изображений, и ключ к шифру ещё никому не удалось подобрать.

Tilseter von Braun (Г.): Но в главе «Азбука Нуг-Сота» мы видим следующий комментарий: «Следующий графический алфавит, согласно издателем, извлечён из зашифрованного манускрипта при помощи “Шифра Магического Квадрата”, включённого в сам манускрипт и, соответственно, в эту расширенную редакцию». Человек, сведущий в криптографии, скажет вам, что этот «Магический Квадрат» есть не что иное как аналог, а, может, и прототип т. н. «Квадрата Полибия», при этом используется либо числовой, либо графический код. В итоге мы получаем текст, зашифрованный тем же способом, на котором Джон Ди основал код для создания магических квадратов енохианской магии. Отсюда можно предположить, что исследователи назвали данный манускрипт просто из-за схожести его зашифрованной версии с одноимённой работой Ди, при этом она могла с лёгкостью затеряться и сохраниться среди себе подобных. Так что, выходит, Ди был не так уж далёк от всего этого.

Fr. Nyarlathotep Otis (Fr. N. O.): Действительно, *Liber Logaeth* Джона Ди не имеет или практически не имеет отношения к тому тексту, который получил это же название от исследовательской группы Колина Уилсона. Однако, как показал перевод нескольких десятков стихов *Liber Logaeth* Джона Ди, текст этот тоже повествует о Древних, что сводит на нет утверждения о «непричастности» великого мага к этой теме. Более того, сама енохианская практика Ди сближает его работу с работой аль-Хазраджи и через Книгу Стражей, известную как Книга Еноха, и через Книгу Джиннов, и благодаря самой специфике, связанной с практикой ченнелинга. Есть в работах Ди и прямые заимствования из Аль-Азиф, например, упоминание «четырёх великих сторожевых башен» и изображение одной из печатей (слева), представляющей собой расширенную версию знака из Некрономикона (справа):

² Критический разбор статьи неизвестного автора «Некрономикон: Остерегайтесь подделок!» и рецензии на неё *Tilseter'a von Braun'a*, выпущенной под заголовком «Некрономикон Уилсона VS Некрономикон Симона».

Есть данные и об интересе к теме Древних Эдварда Келли, ассистента Ди и, что не менее интересно в связи с историей Некрономикона, одной из прежних «официальных инкарнаций» Алистера Кроули.

Как мы отметили в предисловии, Аль-Азиф действительно прошла через руки Джона Ди, однако в сильно урезанной латинской версии, выполненной Оле Вормом в студенческие годы и потому весьма неумело переведённой. Поскольку Некрономикон Уилсона (что следует также из сходства с ним описания псевдо-некрономикона Георгиуса Фенума) восходит именно к этому — усечённому и искажённому, но всё же аутентичному — тексту, этим объясняется значительная часть его неточностей и анахронизмов. Несомненно и то, что Уилсон и его исследовательская группа по понятным причинам воздержались от публикации точного текста и заменили некоторые имена (как, например, имена шаров Йог-Сотота) умышленно.

Хотя азбука Нуг-Сота кажется нам изобретённой самим аль-Хазраджи (структура этого алфавита несколько схожа с армянской, несмотря на то, что, разумеется, и начертание, и алфавитный строй её совершенно другие: их сближает то, что у них — в отличие от большинства алфавитов того времени — начертания знаков выстроены в соответствии с чёткой графической системой и представляют собой модификации определённого базового символа), предположение Tilseter'a von Braun'a о причине подмены названий манускрипта кажется нам вполне правдоподобной.

2. Сразу бросается в глаза: «...и в праздник Хэллоуин, канун Дня Всех Святых (канун ноября)...». Что это, неточность в русском переводе? Ведь в Дамаске, в 730 году, так не говорили, у них не было такого праздника, и даже месяцы назывались совсем иначе. Нет, в английской версии тоже: Halloween.

Milchar (M.): Праздник Хэллоуин есть у большинства языческих народов, и не только у языческих. Он вполне мог быть и в Сирии в те времена.

Т.: В английском варианте пишется не Halloween, а Hallowmas, что является устаревшей формой названия этого праздника, причём употребляемой исключительно в оккультных кругах. Стоит копнуть чуть глубже — и можно узнать, что день, на который приходится Хэллоуин, считается древним магическим праздником! А что до европейского названия, то оно могло быть привязано сюда значительно позже, а, возможно, и самими переводчиками. То же самое касается и остальных праздников: у всех них — устаревшие оккультные названия, а комментарии типа «Праздник Креста» или «Праздник Свечей» — всего лишь комментарии переводчика.

Fr. N. O.: Всё это объясняется лишь некомпетентностью молодого Оле Ворма как переводчика: вместо того, чтобы дать приведённые Ибн Джабиром названия праздников (действительно широко распространённых по всему Старому Свету) транскрипцией или просто указать их даты, он дал более привычные для европейцев названия. Оригинальные же названия — Родоница (древнеславянский языческий праздник, приходящийся на Вальпургиеву ночь), христианские Сретение и День Всех Святых и, тем более, осеннее равноденствие, — в отличие от кельтских Бельтана и Ламмаса, указанных Вормом, вполне могли быть известны Абдулле аль-Хазраджи. Стоит отметить, что дата осеннего равноденствия в Некрономиконе Уилсона смещена с 21 на 14 сентября, что могло иметь место примерно в XIII веке, с учётом расхождения между юлианским и григорианским календарём. Любопытно, что именно этим временем датируется и первый латинский перевод Некрономикона. Возможно, какая-то информация об этом фрагменте текста попала в руки Оле Ворму, который приурочил этот день к Дню Креста (празднику, в который якобы видение Креста ослепило иудеев, стремящихся очередной раз восстановить храм Соломона), при этом забыв учесть накопленную за прошедшие века погрешность и, таким образом, не соотнёс 14 сентября XIII века в точкой рав-

ноденствия по недавно введённому (в 1582 году, всего за 20 лет до перевода Оле Ворма) григорианскому календарю. Эти же даты косвенно свидетельствуют о том, что перевод Джона Ди не мог быть сделан в 1580-х годах, равно как и о том, что эта ошибка с датами не могла принадлежать перу великого мага: в 1583 году (через год после введения католической церковью григорианского календаря) Ди реформировал для протестантской Англии юлианский календарь, стало быть, во-первых, вряд ли ему пришлось бы в голову переводить даты в новый стиль, а во-вторых, если бы и пришлось, он сделал бы это гораздо грамотнее, чем юный Ворм.

3. Заклинание для освящения ятагана Барзах: «...Я повелеваю тебе, о Aziabelis... о Antiquelis... о Barbuelis». Эти имена демонов взяты из христианской традиции, каббалистической магии, а я не думаю, что в 730 году в Дамаске она была распространена; тем более, здесь идёт речь о Древних: Азатоте, Ньярлатхоте и т. д., при чём здесь демоны каббалы?

Т.: Где же это в «христианской традиции» такие демоны? Тогда уж из каббалистики, НО — каббалистическая традиция является лишь средневековой компиляцией ранних иудейских трудов, по большей части греческих. А ВСЁ каббалистический демонический пантеон является плагиатом более ранних культур, шумерской, аккадской, египетской, греческой. Явный тому пример — это шумерская демонесса Лилит, которая по-челу-то оказывается еврейской, и т. д.! Так что скорее уж каббала взяла имена этих демонов из источников этого манускрипта, чем наоборот.

Fr. N. O.: Легко заметить, что слово «Antiquelis» происходит от латинского «antiquus» — Древние. Действительно, именно слово «Древние» стоит в оригинальном тексте. В имени «Barbuelis» легко угадывается гностическое «Барбело» (а вовсе не «демон христианской традиции»). Слово «Aziabelis» замещает оригинальное «могучие». В данном случае этимология неясна, но даже двух слов из трёх достаточно, чтобы понять, что это опять же ошибки перевода. Аналогичным же образом в английском тексте «Обряда Дхо-Хна» мы встречаем странную фразу: «ABYSSUS-DIACONSUS», в которой лишь с большим трудом удаётся разглядеть латинское словосочетание, означающее «Служитель Бездны» (кстати, латинское слово «abyssus», «бездна», и производные от него слова в европейских языках восходят к шумерскому Апсу/Абзу) и вполне уместное в контексте данного ритуала.

К сожалению, нам не удалось обнаружить «христианских» или «каббалистических» текстов с этими именами. Однако если они на самом деле существуют, это несколько не является опровержением вышесказанного: напротив, будучи обнаруженными в трудах такого авторитетного оккультиста, как Джон Ди (который добросовестно передал в английском тексте то, что по неопытности искажил Оле Ворм), они легко могли войти и в другие магические труды, которые большей частью относятся к позднему средневековью, а вовсе не ко временам царя Соломона.

Трудно поспорить и с утверждением о том, что в пандемониум европейской магии вошло множество языческих богов всех культур, известных тогдашним исследователям. В этой связи стоит также отметить, что современные демонологии и списки демонов включают даже ацтекские (например, Миклантекутли) и китайские (например, Дийо) имена. Более того, мне попался современный гримуар, в котором призываются... духи динозавров, птеродактилей, питекантропов, архантропов (со странной гностической аллюзией называемых там архонтропами) и прочих палеонтологических дикивинок ☺

4. Перечисление Шаров: демоны Ситри, Гамор, Вуал, Заган, Элигор упоминаются в «Малом ключе Соломона», в «Гозтии», но метод вызывания этих демонов гораздо более прост, чем гозтический, и описания демонов не совпадает. Это уже говорит о многом...

Т.: Прост? Видимо, автор этих строк читал манускрипт кусками! Потому что для вызова шаров следует сначала призвать Йог-Сотота, который и дарует их заклинателю. В описаниях демонов и шаров весьма сходны их силы и умения, а власть над легионами ангелов — это уже еврейские дополнения. К тому же, «Гоэтия» Соломона сама сначала должна доказать свою подлинность и принадлежность авторству Соломона. А весь гоэтический пантеон — не что иное как сборная еврейская солянка из различных нееврейских источников, см. пункт 3. «Это уже говорит о многом...» — действительно, это говорит о некомпетентности и неосведомлённости автора этих строк в области эзотерики и истории, к тому же эта предвзятость — замечу, предвзятость, а не критичность — к Некрономикону Уилсона здесь излишня.

Fr. N. O.: Хотя мне глубоко несимпатичен антисемитизм автора этого замечания, нельзя не согласиться, что обряд, связанный с вызовом Йог-Сотота и Его шаров, является сложнейшим ритуалом всей Аль-Азиф. Такое пристальное внимание, уделённое Йог-Сототу, можно объяснить, по-видимому, тем, что прецессионный период, соответствующий Йог-Сототу (примерно с конца «до нашей эры» по конец V века), закончился всего за полтора века до рождения аль-Хазраджи, то есть о нём на тот момент могло сохраниться более всего информации. Имена и свойства из Некрономикона Феодора Филета ещё больше совпадают с приведёнными в Лемегетоне (о причинах искажения имён в Некрономиконе Уилсона см. также в примечании к XV столбцу Liber 888). При этом бросается в глаза, что некоторые имена «Гоэтии», оканчивающиеся на «s», у аль-Хазраджи оканчиваются иначе (Элигуш, а не Элигос, Кимаруш, а не Кимарис, Барбат, а не Барбатос), что однозначно указывает на позднюю их латинизацию.

5. Обращение к великому Ктулху: «Пх'нглуи мглу'нафх Ктулху Р'лех вгах'наг фхтагн». Это можно было бы оставить без комментариев, сразу видно, что это просто бред, это не похоже ни на один язык, его даже выговорить невозможно, одни согласные.

***М.:* Вот тут автор явно делает поспешные выводы. Это может быть язык с квазиалфавитной письменностью, где гласные не обозначаются (как в большинстве семитских языков).**

Т.: А вы пробовали читать енохианские слова, не зная транскрипции? Здесь похожая проблема. Более того, разумеется, это не похоже ни на один язык: он приписывается племени Чернокрылых и Обитателей глубин, а человеческий речевой аппарат не приспособлен для издавания подобных звуков. К тому же, вполне вероятно, что заклинатель умышленно упростил данную строку для удобства ритуальной работы с ней.

Fr. N. O.: По всей видимости, т. н. «юготский» язык представляет собой попытку передать знаками известных алфавитов совершенно иную фонетику. Попытавшись, скажем, передать русскими буквами шёлкающие звуки некоторых африканских племён, мы столкнёмся с подобными же проблемами (что говорит о том, что для этого даже не обязательно обладать иным голосовым аппаратом), за исключением того, что «юготский» язык гораздо богаче. Не исключены и отмеченные Milchar'ом проблемы с огласовкой, поскольку на момент написания Аль-Азиф арабские диакритические знаки ещё не были окончательно узаконены.

6. Ритуал Дхо-Хна: «...распевая третий стих пятого псалма Ньярлатхотепа». Интересно, существует ли четвёртый стих, или шестой псалом? Тем более, что в арабской традиции псалмов никогда не было, это привилегия христианства.

Т.: «Привилегия» — не совсем удачное слово, ибо эта жалкая секта не вправе ни на какие привилегии. А уважаемый автор сих строк никогда не слышал, например, о 12-ти томах книг «Откровений Глааки» или о «Свитках священной лжи»? Не стоит думать, что всё наследие Древних находится перед людьми как на ладони: оно скрыто и откроется не каждому, тем более, узколобому писаке! Термин же «псалом» мог быть введён для удобства переводчиками.

Fr. N. O.: Кроме того, что тексты, на которые ссылается аль-Хазраджи, могли не сохраниться или не дойти до рук «официальной науки» (заметим, что и многие научно признанные документы известны лишь по поздним упоминаниям; так, обнаруженное относительно недавно Евангелие от Иуды долгое время было известно лишь по упоминаниям в трудах «отцов церкви»), здесь можно отметить и то, что образованная часть жителей Дамасского халифата VIII века была прекрасно знакома с иудейскими и христианскими писаниями. Даже после захвата арабами в Сирии и Месопотамии проживало значительное число иудеев и христиан, к которым, согласно Корану, мусульманам следовало относиться с гораздо большим уважением и снисхождением, чем к язычникам. Как отмечалось в биографии аль-Хазраджи, опубликованной в культом КЗФ, Ибн Джабир был лично знаком, как минимум, с одним апологетом христианства — Иоанном Дамаскином (а, возможно, и с епископом Севери Себохтом). Любопытно также, что псалмами называются не только иудейские и христианские религиозные гимны, но и манихейские, а Псалтирь почитается и мусульманами. Поэтому даже без учёта ошибок переводчиков легко допустить, что сам аль-Хазраджи использовал термин «псалмы» (арабск. «забур») применительно к неизвестным ныне хвалебным текстам наследия Древних.

7. О Древних говорится как об ужаснейших, злейших и сильнейших существах, но никакие конкретные методы, пантакли, заклятья защиты от вызванных непослушных духов, которыми так и пестрят западные гримуары, нет; это более чем подозрительно.

Т.: В манускрипте приведён знак Старших для защиты от сил Древних, вернее, для того, чтобы временно их сдержать, поскольку Древние настолько сильны и ужасны, что ни одно средство или заклинание не способно им противостоять. Во-первых, Некрономикон — не какой-то средневековый гримуар, он был написан гораздо раньше и работает с совершенно другими силами, а не с еврейскими выдумками. Во-вторых, Древние не являются обычными «непослушными духами», стоит упомянуть лишь, что «боги земные трепещут и падают ниц при появлении Древних».

Fr. N. O.: К сказанному практически нечего добавить, разве что отметить, что Уилсон указал не один, а целых четыре жеста, способных в тех или иных ситуациях противостоять Древним. К технике безопасности следует отнести также указания насчёт должных времён и сезонов. Круги и иные защитные знаки в небольшом количестве, но всё же присутствуют в работе Уилсона и его группы, однако, без сомнения, в редакцию Симона вошло гораздо больше подобных символов и заклятий.

8. Ни одно из божеств, упоминаемых в этом Некрономиконе, не отображается больше нигде. Есть подозрение, что это полностью вымышленный пантеон.

Т.: Вновь проявляется неосведомлённость и некомпетентность автора, поскольку этот «пантеон божеств» упоминается даже в древних шумеро-аккадских, египетских, греческих традициях, а позже, уже в изменённом виде, присутствует и в различных современных религиях и учениях.

Fr. N. O.: Действительно, из приведённых Уилсоном имён Древних в «исторически подтверждённых» текстах мы находим лишь имя Азаг (Азатот) в шумерских источниках и словосочетание «Зу Хастор» («дух Хастура», или «Хастур живой») в Liber Logaeth Джона Ди. Однако, как показал в своей статье («Мифы Некрономикона и древнеарабская магия») Райан Паркер, некоторые другие имена этой традиции (например, Йог-Сотот, Ньярлатхотеп) имеют явственное египетское происхождение, имя же Ктулху в искажённой форме (Хадхулу) встречается даже в Коране. Стоит также заметить, что и боги шумерского пантеона открылись миру европейской науки лишь в XX веке, и, если бы подобная дискуссия велась всего лишь сто лет назад, имена многих из них вызвали бы такие же сомнения. Не стоит забывать также о таких текстах наследия Древних, как Тайны Червя, Станцы Акло, Книга Дагона. Косвенно подтвер-

ждает хотя бы частичную аутентичность Некрономикона Уилсона также наличие в «лавкрафтианской» традиции таких имён как Ноденс (латинизированное имя кельтского бога Нуаду), Дагон (это имя присутствует в ассирийской мифологии), Митра (имя этого широко известного персидского божества упоминается в Софинероме, принадлежащем той же традиции передачи имён, что и Некрономикон Уилсона, хотя в «Некрономиконе КЗФ» оно заменено нами на более часто встречающееся наименование того же божества, Шамаш), Баст (египетская богиня). Хотя имени Шуб-Нигтурат в других культурах не обнаружено, образ Козла/Козлицы как символа плодородия или похоти широко распространён во многих традициях.

Остаётся только подивиться логике автора статьи «Некрономикон: Остерегайтесь подделок!», который в этом пункте говорит об отсутствии имён из Некрономикона Уилсона в других источниках, а всего тремя пунктами выше указывает на присутствие имён из Некрономикона в Лемегетоне, что тоже расценивает как опровержение подлинности работы Уилсона. Надо полагать, таким же образом отреагировал бы уважаемый автор и на присутствие, скажем, имени Шуб-Нигтурат в Библии или Махабхарате: он сказал бы, что группа Уилсона просто взяла эти имена оттуда. Как можно будет заметить далее, изменяет этой логике автор лишь в тех случаях, когда речь идёт о Некрономиконе Симона.

Исходя из всего этого, можно утверждать, что это не то что не подлинная версия Некрономикона, но вообще текст, не имеющий отношения к оккультным традициям ни Востока, ни Запада. Это просто неграмотное месиво из различных текстов и традиций, разбавленное фантазией в духе Лавкрафта, но написанное уже после его смерти, примерно в 50-х годах. Эта версия совершенно непригодна для практики и является «фантастическим псевдогримуаром».

Т.: Стоит сказать, что это ценнейший манускрипт, одна из множества частей Некрономикона. Некрономикон Уилсона тесно связан с Текстом Р'льеха, вкупе они дополняют друг друга, так же и с остальными манускриптами наследия Древних. Уважаемый же Г. Ф. Лавкрафт вполне мог иметь доступ к одной из таких «частей», возможно даже, и к самой Liber Logaeth, расшифрованной Уилсоном, поскольку имена Древних присутствуют в ней в такой форме, в какой он их представлял в своих произведениях, а также некоторые ритуальные моменты, имеющие подобное же употребление великим писателем. Заверяю вас: при умелом толковании и использовании ритуалы Некрономикона Уилсона работают весьма эффективно и являются собой малые, но, тем не менее, мощные частицы ещё более мощного знания и учения Древних! Да, он опубликован после смерти Лавкрафта, но корни его уходят в года куда более ранние, чем появление таких «фантастических псевдогримуаров», как еврейско-европейская каббала или гримуары Соломона, о христианстве вообще стоит умолчать, ибо просто смешны его претензии на истинность. А вот Некрономикон Уилсона никогда на место истинного Некрономикона не претендовал, издавался вообще ограниченным тиражом, попадая в руки людей, понимающих его ценность, всё это в противовес распиаренному в своё время Некрономикону Симона.

Fr. N. O.: Как отмечалось выше, текст, получивший известность как Некрономикон Уилсона, основан на фрагментах, неумело переведённых на латынь молодым Оле Вормом, а потом на английский (добросовестно, но торопливо и потому без привлечения дополнительных источников) — Джоном Ди, который вдобавок использовал при переводе информацию, полученную им от «енохианских существей», а, возможно, и из Книги Джиннов. Кроме того, группа Уилсона работала с зашифрованной версией текста и, скорее всего, вносила в него некоторые поправки, как для большей понятности, так и для того, чтобы читатель не воспользовался наиболее опасными заклинаниями. Всё это в конечном итоге привело к значительным расхождениям с оригинальным текстом Аль-Азиф, с которым, тем не менее, Некрономикон Уилсона состоит в прямом родстве.

Перейдём теперь к «Некрономикону Симона» (НС):

1. Как сказано в предисловии к этому изданию, оригинал этого текста попал редактору (Симону) в руки от одного «неортодоксального» прелата: Fr. Montague Summers. Этот человек действительно существовал, он жил в Америке в 30-х-40-х годах XX века и, мало того, написал несколько книг по оккультизму и колдовству.

Т.: И, по всей видимости, в частности, по имени, званию и роду занятий, был членом О.Т.О. или ещё какого-нибудь иудео-тамплиеро-масонского общества, которые часто любили радовать публику всякого рода каббалами и гримуарами собственного производства, выдаваемыми за подлинные.

Fr. N. O.: Мне кажется, здесь уважаемый Tilseter von Braun перестаёт быть объективным просто в шик автору исходной статьи, дабы продемонстрировать, что его доказательства не менее зыбки. Конечно же, фальсификация в оккультных кругах — распространённое явление, и наверняка О.Т.О. здесь не исключение. Однако нельзя отрицать и того, что О.Т.О. — авторитетнейшее оккультное общество, разработавшее огромное количество практик. Кеннет Грант, активно работавший именно с лавкрафтианской традицией (которая представлена как раз в пропагандируемом Tilseter'ом Некрономиконе Уилсона, но не у критикуемого им Симона), тоже являлся членом О.Т.О. до того, как основать собственный Орден (если же Кроули познакомился с наследием Древних именно через рукопись, лёгшую в основу работы Симона, то участие в передаче традиции члена О.Т.О. смотрится уже совершенно необходимым). Более того, как было отмечено в биографии аль-Хазраджи, культ Древних нельзя рассматривать в отрыве от других религиозных и магических традиций: древнееврейская Книга Стражей, христианский Апокалипсис, Коран оказали существенное влияние на взгляды и стиль Ибн Джабира. С другой стороны, именно в VIII веке и именно в Месопотамии и Византии зарождалась каббалистическая традиция. Некоторые упомянутые Абдуллой описания и техники позднее встречались в каббалистических трактатах (магические квадраты в Книге Призываний, печати шаров Йог-Сотота и т. д.), поэтому небезосновательным будет заявление о том, что он был одним из тех, кто стоял у истоков каббалистической традиции. Учитывая это, взаимосвязь наследия Древних с более известными магическими и религиозными направлениями становится ещё более тесной.

Что касается Монтегю Саммерса, то личность это сама по себе весьма занятная ☺

2. В «Свидетельстве Безумного Араба» упоминаются горы Маспу, недалеко от которых жил автор этого Некрономикона. Благодаря карте, составленной Геродотом, мы выяснили, что эти горы действительно существовали, и их латинское название — Masius. Горы Маспу упоминаются и в шумерском «Эпосе о Гильгамеше», как горы находящиеся на самом востоке, и действительно, следуя карте Геродота, Маспу расположены на востоке Верхней Месопотамии, рядом с хребтом Восточного Тавра.

Т.: Ну если уж Геродот официально зафиксировал существование и местоположение этих гор, то, думаю, не составляло особого труда г-ну Симону свериться с географией Месопотамии, которая активно изучалась уже в XX веке.

Fr. N. O.: Очень верное замечание, которое, впрочем, не опровергает и достоверности Некрономикона Симона, хотя, разумеется, и не свидетельствует в его пользу. Остаётся только добавить, что горы Маспу, или Масис, соответствуют Арарату.

3. В том же Свидетельстве: «Подымал я полчища супротив земель востока... и, творя сие, познал я Нгуо, бога неверных, дышащего пламенем и ревущего подобно тысяче громов». Изрядно повозившись, нам удалось найти упоминание о Нгуо: «Нга, Нгаа,

АПОКРИФ

Нгуо — верховное божество ненцев, бог огня в самодийском пантеоне». Самодийцы и ненцы были частью племён угров, живших близ Алтая и в Сибири. Примерно в 1 тыс. до н. э. они перекочевали на юг, в Среднюю Азию. Действительно, около VII века н. э. арабы воевали с племенами, жившими восточнее и севернее, примерно на территории современного Ирана.

Т.: Здесь, как и в пункте втором, я не вижу ничего особого, великолепное знание географии, истории и мифологии г-н Симона не даёт особой весомости манускрипту.

Fr. N. O.: Как мы выяснили, описанная у Симона история происходила где-то в промежутке с 700 по 720 год.

4. Все боги, упоминаемые в НС, полностью соответствуют богам шумеро-аккадского пантеона. Города, описанные в НС, такие как Ур, Нишпур, Урук, Вавилон, Куту, действительно существовали на территории Месопотамии, и их развалины сейчас открыты для посещения.

Т.: См. комментарии к пунктам 2 и 3.

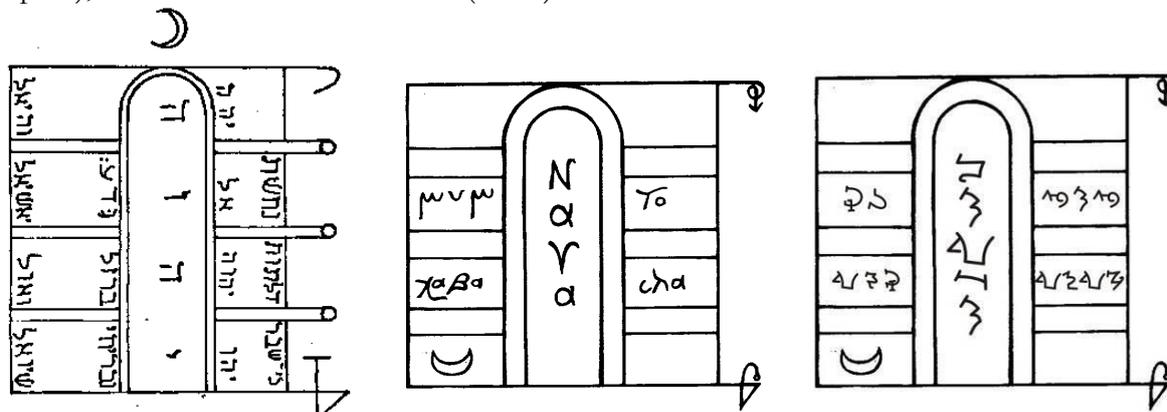
Fr. N. O.: Хотя несомненно, что аль-Хазраджи пользовался в своих изысканиях и шумерскими источниками (вспомним хотя бы его редакцию Скрижалей Маклу, а также вошедшие в Аль-Азиф в качестве приложений Писание Магана и фрагменты из Тайн Червя, написанные в IV веке под значительным влиянием вавилонской традиции), Симон, по всей видимости, заменил оригинальные имена Древних и Старших именами богов шумеро-аккадского пантеона, пользуясь не всегда понятными ассоциациями и соотнесениями. Однако такие места, как Ур, Нишпур и другие города Вавилонии были хорошо известны Ибн Джабиру, поскольку «безумный араб» не был чистокровным арабом и происходил отнюдь не из Йемена, а из Северного Междуречья, из земель Бет-Арабайе, находящихся на границе между Византией и Персией. Как мы показали в биографии, Абдулла долгое время находился на руинах Вавилона и в его окрестностях, поэтому неудивительно, что шумеро-аккадская традиция (как напрямую, так и через халдеев и сабиев) оказала огромное влияние на его космологию и мировоззрение.

5. В предисловии сказано, что перевод был осуществлён с греческого. Это действительно так, потому что во вратах Сфер имеются греческие слова: *Ναυα, χαβα ελα, ΧΑΜΟΔΑΙΜΟΣ, ΜΑΧΟΣ ΠΙΠΙ ΙΑ*. Значение некоторых слов ещё не установлено, но всё указывает на их греческое происхождение. Ещё одна интересная особенность: вратам Нанны (Ноденса) в НС почти полностью соответствует один из лунных пантаклей в «Большом ключе Соломона», с той лишь разницей, что надписи выполнены на иврите. Это странно, ведь больше в ключах Соломона пантаклей такой формы не встречается, этот пантакль уникальный.

Т.: Опять же прослеживается влияние древней культуры и магических традиций на становление более поздних. Также см. комментарий к пункту 1 и замечания о Соломоновых гримуахах, каббале и прочему еврейству из предыдущей главы.

Fr. N. O.: Действительно, в Некрономиконе Симона многие печати снабжены греческими надписями, однако надписи в манускрипте Филета сделаны отчасти — алфавитом Нуг-Сота, отчасти — неизвестным алфавитом, использованном в том фрагменте, который получил название *Grimoicum Imperium*, причём слова в оригинальных надписях скорее шумерского, нежели греческого происхождения. Верно и то, что пантакль Луны в «Ключе Соломона» явно схож с пантаклем Нанны (Ноденса) в Аль-Азиф. Однако с точки зрения эволюционизма и здравого смысла сходство элементов А и Б, не могущее быть объяснённым случайным совпа-

дением, говорит либо о том, что А происходит от Б, либо о том, что Б происходит от А, либо о том, что оба они происходят от общего предка В, поэтому любые выводы, не подкреплённые дополнительными сведениями, будут поспешными. Как можно заметить, пантакль Симона (в центре) гораздо более похоже на пантакль из Некрономикона Феодора Филета (справа), чем на пантакль Соломона (слева):

Заметим также, что самые ранние списки «Ключей Соломона» датируются XV веком. Исходя из этого, нетрудно установить генезис пантаклей: оба они восходят к наиболее раннему, изображённому в манускрипте Филета, однако пантакль Соломона носит следы гораздо более значительного отхода от оригинала, чем пантакль Симона. По всей видимости, это обусловлено тем, что пантакль Нанны остался в пределах традиции Древних, пантакль же Луны пришлось перестраивать под каббалистическую. Отличия же от оригинала этого изображения у Симона, вероятно, действительно говорит в пользу того, что Симон пытался искусственно придать авторитетности своему переводу за счёт увязывания с хорошо известными традициями.

6. «Книга о сжигании злых духов» в НС полностью соответствует шумерской «Маклу», все заклинания, приведённые там, аутентичны.

Т.: Удивительно, но и Книга Маклу, и Писание Магана «аутентичны» шумеро-аккадским мифам. Не побоимся предположить, что г-н Симон просто переписал изложенные в них сюжеты. Тем более что Писание Магана является ранней версией мифа «Энума Элиш», это реальный, официально зафиксированный текст, который не просто повествует о Древних, но и приводит их имена, что особо ценно и развеивает все домыслы пункта 8 предыдущей главы.

Гр. Н. О.: Во-первых, «Книга о сжигании злых духов» в НС отнюдь не полностью соответствует шумерской «Маклу» — во всяком случае, той её версии, которая известна современной шумерологии. Некоторые главы (например, «Заклятие гор Маспу», «Связывание злых колдунов» или «Совершеннейшие чары супротив сонмищ демонов...») практически идентичны оригинальным. Другие («Изгнание венцом Ану», «Заклинание супротив Древних», «Изгнание одержавшего демона», «Заклятие небес и земли» и др.) есть только у Симона и в исходном тексте Аль-Азиф, хотя у Симона местами искажённо, а местами — в странной транскрипции шумерского с примесью аккадского, греческого и других языков. Глава «Защитное заклинание супротив прислужников Древних» представляет собой компиляцию из разных фрагментов шумерских Скрижалей Маклу и строк неясного происхождения (возможно, написанных самим аль-Хазраджи). «Воззвание к Иштар» почему-то исключено Симоном из Скрижалей и помещено в последнюю главу основного текста («Продолжение свидетельства Безумного Араба»). «Иное связывание злых колдунов» представляет собой фрагмент из главы, лёгшей в основу «Изгнания Азатота и посланцев Его». Есть и множество других расхождений, часть из

которых внесена самим аль-Хазраджи (или же он ориентировался на какой-то неизвестный ныне список Скрижалей) либо Симоном (последнее касается, прежде всего, его искусственных попыток упрочить связь культа Древних с шумеро-аккадской традицией).

Во-вторых, конечно же, опять лукавит Tilseter von Braun: «Энума Элиш», без сомнения, содержит имена Древних, но эти имена не имеют практически ничего общего с именами, приведёнными в Некрономиконе Уилсона, зато явно близки к Некрономикону Симона.

7. Вместо слова «круг» в английской и русской версии употребляется слово «мандал» для обозначения круга для вызываний духов. Дело в том, что по-арабски «al-mandal» означает «круг». Это ещё одно подтверждение арабскому происхождению текста.

Т.: Ну если уж автор этой статьи додумался до этого, то г-н Симон, вероятно, был не глупее.

Fr. N. O.: Я не знаю арабского, поэтому не знаю, используется ли в нём такое слово. Однако слово «мандала» со значением «круг», используемое в современной оккультной традиции, имеет санскритское, а не арабское происхождение. С другой стороны, Мединский, а затем и Дамасский халифат неоднократно пытался захватить индийские территории, так что ко временам аль-Хазраджи арабы уже были отчасти знакомы с культурой Индии. Но лишь в X веке ислам прочно закрепился на Субконтиненте, поэтому, хотя слово «мандала» и могло войти в арабский язык в VII-VIII веках, скорее всего, это произошло уже после смерти Ибн Джабира. Однако очевидно, что слово это было хорошо известно самому Симону, и он мог просто использовать его в своём переводе, не задумываясь о его происхождении.

8. «Книга пятидесяти имён Мардука» полностью соответствует именам, перечисленным в конце шумерской поэмы «Энума Энлиш», только в «Энума Энлиш» нет графических изображений печатей.

Т.: См. пункт 6.

Fr. N. O.: Сразу заметим, что имена и их последовательность у Симона и в «Энума Элиш» (таблички VI-VII) несколько различаются. Так, например, вместо имени Мершакушу Симон называет Барашакушу, вместо Наде-Лугалдиммеранкия — Нари-Лугалдиммеранкия, вместо Зулумму — Зулуммар. У ряда имён опущено «родовое» имя (так, именам 19-23 — Зиси, Сухрим, Сухгурим, Захрим и Захгурим — должен предшествовать элемент «Шазу-», соответствующий восемнадцатому имени: Шазу-Зиси, Шазу-Сухрим и т. д.). Самое же существенное отличие заключается в том, что между именами Зулумму и Лугалабдубур пропущено имя Гишнумунаб, из-за чего дальнейшая нумерация (после 35-го имени) смещается. После 49-го (в оригинале — 50-го) имени Неберу Симон приводит имя Нинуам, сильно усечённую и искажённую форму Гишнумунаб. В результате теряет смысл предсказание, которым снабдил имя Неберу аль-Хазраджи: «Имя пятидесятое есть Неберу, коему должно стать первым в Писаниях новых» (у Симона этих слов нет). Действительно, относительно недавно в общем докладе появился современный текст под названием «Путь в Неберу», являющийся своего рода продолжением Аль-Азиф (он входит в состав модернистского гримуара «Книга 1000 имён»). Так что, по-видимому, Симон намеренно или случайно искажил некоторые места оригинального трактата (скорее всего, по тем же причинам, что и Уилсон).

9. Писание Магана соответствует шумерской поэме «О сне Иштар», только перевод чуть изменён. Всё это наводит на мысль, что автор Некрономикона пользовался более древними источниками, отсюда и название «Книга мёртвых имён» — книга о том что прошло и забыто.

Т.: Некрономихон (зреч.) — Книга мёртвых имён. Китаб Аль-Азиф (араб.) — Писание воя ночных демонов. Выводы соответствующие. Что же касается слова Писания Магана, смотри пункт 6.

Fr. N. O.: История нисхождения Иштар (Шуб-Ниггурат) в нижний мир, изложенная в Писании Магана и в аутентичном мифе, хотя и имеет общую канву, всё же заметно отличается. Из чего можно сделать вывод, что автор либо пересказывал легенду с неизвестного нам источника, либо творчески переработал её.

Разумеется, автор Некрономикона пользовался более древними источниками. Разумеется, это не может служить ни доказательством, ни опровержением того, что аль-Хазраджи (или, напротив, Симон) является автором НС.

10. Все заклинания приведены на шумерском языке, языке оригинала, тарабарщины, как у Уилсона и Лэнгфорда, здесь нет.

Т.: Если внимательно прочитать заклинания, то большая их часть представляет собой смесь шумерского и русского/английского, т. е. заклинание состоит из строк на шумерском и строк, переведённых на современный язык, русский/английский. При этом переводчики предупреждают об опасности ошибки при прочтении заклинаний. Стоит воззвать к совести лингвистов-шумерологов, они подгоняли клинопись под латиницу, при этом не зная её, но не наоборот, отсюда и Симоновская тарабарщина, и последствия неправильного прочтения. У Уилсона же всё чётко, отдельное спасибо Джону Ди.

Fr. N. O.: Абсолютно верное замечание. Несмотря на то, что Симон, вслед за Ибн Джабиром, неоднократно подчёркивает необходимость верного произношения (очень характерное свойство арабской магии раннеисламского периода, когда арабский язык считался священным), он приводит крайне неточную транслитерацию шумерских заклинаний, не снабжает её почти никакими фонетическими комментариями или знаками произношения, смешивает шумерские слова с аккадскими и даже греческими, одни тексты переводит, другие оставляет «на языке оригинала». Разумеется, те маги, которые надеются на достижение результата через простое заучивание аутентичных формул, ни в коей мере не могут полагаться на надёжность приведённых Симоном заклинаний. Поскольку в рукописи Феодора Филета лишь несколько фраз написаны на языке, похожем на шумерский, можно предположить, что Симон просто перевёл часть заклинаний имеющегося в его распоряжении фрагмента Аль-Азиф на шумерский, в меру своих (не сильно обширных) познаний в этом языке. Трудно сказать, какой логике он следовал: обезопасить читателей или придать своему переводу более авторитетный облик...

11. «...когда Медведица висит над хвостом своим в небесах...»: вначале это кажется невозможным и абсурдным, но это явление можно наблюдать, находясь ближе к экватору, примерно в Аравии, Сирии и Ираке. Следовательно, автор, писавший это, жил там.

Т.: См. комментарий к пункту 2.

Fr. N. O.: Как и многие другие «доказательства», это ничего не доказывает, равно как и не опровергает.

12. «И время Ламас есть месяц Айру, сезон Наттиг есть Арахсами, сезон Устур есть месяц Шабату» — это вавилонское месяцеисчисление, названия месяцев приведены в соответствии с вавилонским календарём. Это ещё раз подтверждает подлинность НС.

Т.: См. пункт 2.

Fr. N. O.: Стоит добавить, что Айру, Арахсами, Шабату — не шумерские названия месяцев, а более поздние, вавилонские (примерно времён «вавилонского плена евреев»). Таким образом, Симон достаточно произвольно мешает шумерскую, аккадскую и поздневавилонскую тради-

ции, пытаясь при этом преувеличивать наиболее древнюю из них, шумерскую, тогда как у самого аль-Хазраджи подобные смешения гармонично проистекают из халдейской и сабийской эклектики.

13. Город Иерусалим в английском и русском переводе искажён и звучит как Ершалаим, или Урсаалаим. Это не просто похабность перевода: дело в том что «Ур-Салим» или «Ер-Салим» — арабское название Иерусалима, и оно означает «мирный».

Т.: См. комментарии к пункту 10 и 2. Кроме того, Михаил Булгаков в своём произведении также использовал топоним Ершалаим. И что дальше? Будем считать «Мастера и Маргариту» «истинным Некрономиконом»? Абсолютно непонятно, при чём тут достоверные географические и мифологические названия, если разговор ведётся о подлинности гримуара. (И в школьном учебнике такое можно найти!) Кстати, название Иерусалима, при правильном переводе, означает далеко не «мирный», а совсем наоборот...

Fr. N. O.: Я не изучал топонимику этого города, хотя на присутствие в нём корня «салим», «салям» очень похоже. Впрочем, «народные этимологии» — один из надёжнейших путей... в лингвистический тушик. Достаточно вспомнить другую попытку объяснить это название в духе «первичного панславизма» Фоменко-Носовского: «Иерусалим = Русский Рим».

Впрочем, всё это опять же не имеет никакого отношения к вопросу о достоверности текста...

14. Упоминается в НС «Ершалаимский жрец Абдул бен Марту». Это абсолютно реальная личность, которая упоминается в Библии, в Ветхом завете.

Т.: См. комментарий к пункту 2.

Fr. N. O.: К сожалению, я не такой великий знаток Библии, чтобы опознавать каждое из множества присутствующих там имён. Однако меня крайне смущают два обстоятельства. Во-первых, имя Абдул (точнее — Абдулла, раб Аллаха, раб божий) совсем не похоже на имена, которые можно обнаружить в Ветхом завете: оно явно арабского, а не еврейского происхождения (хотя может оказаться и домусульманским, поскольку Аллах до Мухаммеда был одним из множества богов древнеарабского пантеона). Конечно, и арабы, и евреи относятся к семитским народам, да и имя со значением «раб божий» у иудеев вполне вероятно, однако тут вступает в силу «во-вторых». Итак, второе смущающее обстоятельство заключается в том, что Библия прекрасно приспособлена для указания цитат и ссылок: существуют устоявшиеся сокращения, позволяющие парой букв и парой чисел точно обозначать требуемое место. С другой стороны, этот сборник достаточно объёмен для того, чтобы человек, не владеющий темой профессионально (т. е. не являющийся ни раввином или священником, ни учёным соответствующих исторических или филологических специальностей), не смог отыскать упомянутого слова без точной ссылки (а если учесть варианты транскрипции и арабо-еврейского перевода, то не смог бы сделать этого даже с помощью поисковика). Таким образом, тот, кто хочет указать на действительно имеющее место подтверждение в Библии, обычно указывает координаты соответствующего стиха. Если же стих не указан, то, скорее всего, это очередная попытка придать веса своим утверждениям. Возможно, я ошибаюсь и автор статьи сможет предоставить необходимую ссылку. Однако до тех пор я буду считать, что Абдулла ибн Марут, с которым был знаком аль-Хазраджи, и Абдул бен Марту — одно лицо.

Кроме того, «реальная личность» и «личность, которая упоминается в Библии» — это далеко не одно и то же. Хотя в Библии и присутствует определённое количество исторических персонажей, само по себе упоминание какого-либо имени в ней — ещё не повод для серьёзных историков признавать историчность этой личности. Это было бы равноценно признанию историчности Змея Горыныча или Афины Паллады (хотя, конечно же, сильно мифологизированные образы, скажем, Гильгамеша или Будды всё же имеют реальные прототипы).

15. Автор оперирует понятиями, из которых видно древнегреческое влияние на Месопотамию: «...коснуться чертогов преисподней Гадеса...»; «кою греки прозывают Месопотамию». Действительно, в V-IV веке до н. э. древнегреческое влияние в Азии было сильно, что ещё раз доказывает подлинность этого текста: во всяком случае, его возраст и место написания.

Т.: Вот с последнего и стоило начинать! Ещё не ясно, где был составлен данный «манускрипт», но он никак не является Некрономиком/Аль-Азиф. Тем более что хеттская культура, наследники шумеро-аккадской, оказала больше влияния на Грецию, чем последняя — на Месопотамию.

Fr. N. O.: Здесь стоит отметить, что в греческой рукописи Феодора Филета вместо «Гадеса» стоит слово семитского происхождения, «геенна». Поскольку «геенна» — привычное христианину (каковым являлся Филет) обозначение ада, а арабское слово того же корня — «Джаханнам», в этом и других местах греческого текста слово «геенна» реконструировалось до «Джаханнам», которое, по-видимому, и стояло в оригинале.

Что касается Месопотамии, то, действительно, у Филета оборот «кою греки называют Месопотамию» присутствует. Однако аль-Хазраджи был арабо-персидско-армянского происхождения и никогда не жил (во всяком случае, подолгу) на византийских землях, где в хождении был греческий язык. Он писал Аль-Азиф по-арабски и вряд ли предназначал её для грекоязычной публики, поэтому вряд ли стал бы делать такое уточнение: Междуречье было хорошо знакомо арабам, поскольку входило в число первых земель, захваченных халифатом. Поэтому мы взяли на себя смелость предположить, что (как, например, и «Геркулесовы столпы» вместо арабского «Джибель аль-Тарик») переводчик сделал это уточнение для жителей Византии, и оставили лишь те слова, которые предположительно присутствовали в оригинале: «в землях Междуречья».

Что касается культурных влияний, то, без сомнения, они происходили на протяжении всей истории человечества и обычно были в той или иной степени обоюдными. Несомненно и то, что значительно более ранняя шумерская культура в большей степени повлияла на раннюю эллинистическую, тогда как эллинизм периода расцвета — на культуру позднего Междуречья. Однако нам непонятно, почему автор статьи указал V-IV века до н. э., если время возникновения Аль-Азиф — первая половина VIII века н. э.

16. В русском и английском переводах некоторые предложения звучат довольно странно по конструкции: «Я странствовал средь звёзд и пред богами трепетал», «...на вершинах зиккуратов, воздвигнутых, звёзд достичь дабы...», «изучил сказания прежние», «и, творя сие, познал я Нгуо, варваров бога» и т. д. Некоторые слова в предложении переставлены, но это, опять-таки, не похабность перевода, а особенности арабского языка, в арабском так строятся все предложения...

Т.: Действительно, во времена аль-Хазраджи почти все арабские книги по религии или мистике были написаны как поэмы. Но не стоит забывать и об огромной роли переводчика манускрипта, часто приёртого к стенке между смысловым или поэтическим переводом.

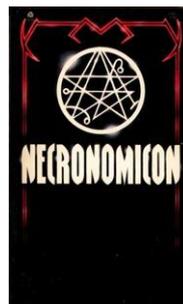
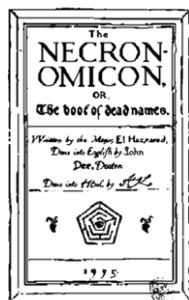
Fr. N. O.: Ни возразить, ни добавить. Судить о стиле оригинала по стилю перевода, ещё и, как минимум, двукратного (с арабского на греческий и с греческого на английский, если даже не через латынь) — дело неблагодарное, особенно если учесть, что по крайней мере один из промежуточных переводов сделан в Средние века, когда нынешние принципы корректного перевода ещё не сформировались. Как мы отмечали в предисловии к этому изданию, оригинальный текст, по многочисленным свидетельствам, был в значительной степени поэтическим, однако уже греческий перевод сохранил лишь несколько стихотворных фрагментов, по всей видимости, не отражающих стилистики оригинала.

Если же речь идёт не о поэтичности, а об обычном порядке слов в арабском предложении, то передавать иноязычный порядок слов — это как раз «похабность перевода», подобная тому, как если английскую фразу «My name is John» («Меня зовут Джон») буквально калькировать как «Моё имя есть Джон».

На основе вышеприведённых доводов можно утверждать, что мы обладаем подлинной версией пресловутого Некрономикона или, по крайней мере, одной из книг по шумерской церемониальной магии, написанной арабом в Азии примерно в VI-VIII веке н. э. и переведённой позже на древнегреческий, что, в принципе, равноценно. Если это подделка, то кому-то пришлось потратить пару лет: здесь всё гладко и не к чему придраться. Этот трактат крайне интересен и заслуживает пристального внимания, как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Т.: Вполне можно утверждать, что это писание является компиляцией дошедших до нас традиций шумерских религиозных верований. На практике некоторые из этих методов работают, если, конечно, их откорректировать, но не стоит забывать, что все они были взяты из шумеро-аккадских мифов уже в XX веке. Претендовать на подлинность данный Некрономикон не имеет права. Поражает использование термина «пресловутый» относительно самого Некрономикона, этот термин более применим к Библии. Вообще, можно было бы похвалить г-на Симона за его знания шумеро-аккадской мифологии и географии Месопотамии. Собственно, его старания в области создания Некрономикона окупились с лихвой: желтопрессная наёмка ещё при жизни автора разошлась многотысячным тиражом в двух книгах, причём вторая представляла собой всего лишь книгу пятидесяти имён Мардука.

Fr. N. O.: Анализ манускрипта Феодора Филета однозначно свидетельствует о том, что оба Некрономикона — Уилсона и Симона — являются фрагментами Аль-Азиф, написанной Абдуллой аль-Хазраджи в первой половине VIII века. Оба они в той или иной степени искажены переписчиками и переводчиками: как намеренно (по множеству причин: «техника магической безопасности», придача «более авторитетного облика», стремление подогнать под широко известные факты или быть понятыми читателем), так и случайно, однако не вызывает сомнений, что эти столь непохожие тексты имеют общее происхождение. Разрозненность и непересекаемость фрагментов свидетельствует, скорее всего, о том, что исходный текст (скорее всего, какой-то из списков манускрипта Феодора Филета) по какой-то причине был разделён на отдельные части, которые в дальнейшем (через ряд промежуточных списков и переводов) и послужили источниками Некрономиконов Симона и Уилсона. Среди «предшественников» Некрономикона Уилсона можно отметить переводы Оле Ворма и Джона Ди (к которым, вероятно, восходит и псевдо-некрономикон Фенума), Некрономикон Симона, по всей видимости, восходит к какому-то более раннему и более обстоятельному переводу. С точки зрения практической магии любой из них может быть рабочим в том случае, если практикующий не бездумно заучивает приведённые там формулы, а вникает в их суть, погружается в традицию, использует сопутствующие источники и не пренебрегает творческим подходом.

Liber 888

(Каббала Древних)

1. Вступление

- Название построено по аналогии с Liber 777 Алана Беннета и Алистера Кроули, включающей каббалистические таблицы соответствий, и с учётом значения числа 888 как Числа Ктулху. Оно не имеет ничего общего с нумерацией Книг Ordo Templi Orientis и, в частности, с Liber 888 Алистера Кроули, известной также как «Евангелие от Святого Бернарда Шоу».
- Данная Книга представляет собой справочное пособие по пантеону Древних (с описанием основных этапов работы) и не предназначена для оторванного от контекста изучения.
- Стиль Книги не приводился к стилистике остальных материалов данного издания и вообще к литературному стилю.
- Работа начата 8 августа 2008 года и велась исключительно по общедоступным источникам, не входящим в состав Библиотеки аль-Хазраджи.
- Позднее данные сверялись с текстов Библиотеки и уточнялись за счёт имеющихся в ней материалов.
- Большинство выводов носит предварительный характер.

2. Исходное положение дел

У нас имеется несколько списков, содержащих имена Древних:

1. Самый полный — в Grimoirum Imperium и Liber Arcanum (сказано, что имён и печатей 45, но на самом деле их там 44, причём одно имя ещё и дублируется с разными печатями, так что, по сути, 43; с другой стороны, в Liber Arcanum упомянута также Чёрная Мать, отчётливо соотносимая с Матерью Йидрой).
2. Список соответствий по планетам есть у Симона и Тайсона, причём они сильно расходятся, хотя за основу взяты одни и те же 7 классических планет.
3. Соотнесения, произведённые в компилятивной версии Некрономикона под названием Книга Закона Мёртвых.
4. Довольно плотно идущие перечни имён в первой главе Рипеля.
5. Имена, которым посвящены отдельные главы в латинском псевдо-некрономиконе, приписываемом Оле Ворму, в Проекте «Некрономикон», в Некрономиконах Уилсона и Рипеля.
6. Другие имена, рассеянные по всевозможным отрывкам.

Общее количество этих имён значительно превосходит число 45, хотя из Grimoirum Imperium следует, что этот перечень должен быть исчерпывающим. Кроме того, некоторые имена явно являются модификациями одного имени, другие же относятся к богам, схожим по свойствам и атрибутам. При этом большинство имён встречается только в одном из списков. Из этого следует, что многие Древние упомянуты в разных текстах под разными именами.

3. Цель

Составить таблицу соответствий между именами Древних из основных традиций, которая сводилась бы к количеству пунктов, близкому к отмеченному в Grimoirum Imperium.

4. Задачи

1. Составить такую модификацию Древа Сфирот (заметим в скобках, что слова «Древо» и «Древний» этимологически связаны), которая включала бы не 32 Ключа, как в классической, не 34, как с 31bis и 32bis, и даже не 38, как с добавлением Эйн, Эйн Соф, Ор Эйн Соф и Даат, а не менее 45. При этом, разумеется, Древо должно быть не изменённой, а расширенной формой классического (т. е. признанные Сфиры и Пути не должны, по возможности, нарушаться).

2. Распределить в столбцах таблицы характерные атрибуты Ключей и сопоставить им имена из разных перечней Древних.

3. Соотнести имена, оказавшиеся в одной строке, с одним из имён *Grimoïrum Imperium* (или же, если Ключей окажется более 43-45, расположить также среди них имена, не входящие в *Grimoïrum Imperium*) и, таким образом, свести все имена Древних из доступных источников к единому списку.

4. Сверить полученные результаты с материалами Библиотеки аль-Хазраджи и, в случае высокого сходства результатов хотя бы по наиболее подробно описанным именам, внести необходимые коррективы за их счёт.

5. Ожидания

1. Расширенная версия Древа должна быть симметричной, причём, вероятно, не двусторонне, как классическая, а четырёхсторонне.

2. Список Древних должен распадаться на три чётко отграниченные друг от друга группы, в одной из которых 3 имени самых абстрактных богов, в другой — около 10 самых значимых или самых упоминаемых, в третьей — более 30 малозначительных и/или редко упоминаемых.

3. Количество возникших Путей должно соответствовать одному из алфавитов, распространённых в том месте и в то время, где и когда жил и работал Абдулла ибн Джабир.

4. Ожидается получение дополнительных параллелей расчётных результатов с данными Библиотеки аль-Хазраджи.

5. Если общее направление мысли верно, ожидается также выявление некоторых непредвиденных, но характерных закономерностей.

6. Реконструкция Древа

1. Чтобы реконструировать полное Древо, не нанеся повреждений самой его концепции, добавим вначале то, что там подразумевается, но обычно не изображается — Сфиру Даат (в центре шестиугольника, образованного Сфирами 1, 2, 3, 4, 5 и 6). В результате расположение Сфир 1-9 приобретает четырёхстороннюю симметрию, но из неё выбивается Сфира 10.

2. Зеркально Сфире 10 (т. е. над 1) размещаем ещё одну гипотетическую Сфиру. Поскольку над 1 должен быть 0, а 0 соответствует Эйн — Эйн Соф — Ор Эйн Соф, то наши ожидания о симметричности оправдываются.

3. Остаётся дополнить Древо отсутствующими на нём Пути (прежде всего — за счёт «отзеркаливания» существующих), которых оказывается 36, чего нам вполне достаточно (то, что 36 есть квадрат числа 6, а сумма чисел от 1 до 36 даёт 666, число Зверя или Азатота, это уже бонус, к нашему исследованию не относящийся). В результате классические Пути (кроме Гимель, распавшегося на два: от Кетер до Даат и от Даат до Тиферет) остаются нетронутыми. Другие, не включённые в нашу схему Пути прочертить теоретически, конечно, возможно, но не на тех математических принципах, на которых чертились классические, поскольку несвязанными остались только Сфиры, удалённые более чем на три уровня друг от друга, как и в классическом Древе.

4. На этом этапе у нас осуществляется не только ожидание симметрии, но и возникают некоторые дополнительные совпадения:

5. Общее количество Путей получилось 36. Из языков необходимого периода и ареала таким числом букв на тот момент обладал только армянский (в настоящее время в нём 38 букв). Таким образом, данные построения являются, фактически, каббалистической системой, основанной на армянском алфавите.

6. Поскольку из классических нарушается (распадается на две части, одна из которых ведёт от Кетер к Даат, а другая — от Даат к Тифферет) только Путь Гимель, у нас остаётся 21 классический Путь, что соответствует количеству ликов Ньярлатхотепа.

7. Путей, отсутствующих на классической схеме, оказывается 13, что соответствует количеству шаров Йог-Сотота.

8. Общий список насчитывает 50 Ключей, что соответствует количеству имён Мардука.

9. Количество имён в лавкрафтианской традиции также сопоставимо с получившимся числом.

10. Также в Некрономиконе Симона указывается: «Их (Древних) — семь раз по семь», т. е. 49, что может быть либо своеобразным «округлением» количества Древних под квадрат сакрального числа 7, либо из общего числа исключён отчётливо противопоставляемый у Симона прочим Древним Мардук, либо не учтены Ллойгор и Цхар (также Хумбаба и Пазузу в шумерской мифологии, Кулл и Ринн — в произведениях Майкла Муркока и в традиции Дхаскар, Харут и Марут — в арабской традиции), фигурирующие исключительно в паре, как близнецное божество.

7. О соответствиях

Итак, у нас есть три качественно и количественно отличные группы Древних:

А. Ключи 0, 00 и 000 (три Завесы Небытия): наиболее абстрактные Древние, соответствующие понятиям «Ничто», «Творящее Ничто» и «Всё».

Б. Ключи 1-10 (Сфиры, включая Даат — D): Великие Древние, самые часто упоминаемые и самые активные действующие.

В. Третья группа (Пути) — это второстепенные, Меньшие Древние, многие из которых упоминается всего по разу (их по списку 36). Часть их соотносится с классическими Путиами Каббалы, другие — с добавочными.

Будем работать с этими тремя группами отдельно.

А. Этим ключам совершенно явно соответствуют Уббо-Сатла, Азатот и Йог-Сотот (в сфировотическом проявлении этим клипотическим божествам соответствует «Троица Стражей Земли» — Ану, Энки и Энлиль, они же Наксир, Нарикс и Надур).

Б. Поскольку Ключей здесь 11, нужно сначала составить список богов, которые должны сюда входить (при этом некоторые имена могут оказаться разными названиями одних и тех же Древних).

Прежде всего, в этот список должны попасть боги с планетарными соответствиями. Согласно 777, Сатурн соответствует Сфире 3, Юпитер — 4, Марс — 5, Солнце — 6, Венера — 7, Меркурий — 8, Луна — 9. У нас есть два списка из семи планетарных богов: у Тайсона и у Симона, а также компиляция «Книга Закона Мёртвых», где произведена попытка соотнесения (не всегда обоснованного) шумерских богов Симона с именами лавкрафтианской традиции.

АПОКРИФ

Список Симона:

- 3 Ниниб
- 4 Мардук
- 5 Нергал
- 6 Шамаш
- 7 Иштар=Инана
- 8 Набу
- 9 Нанна

Список Тайсона:

- 3 Йиг
- 4 Йог-Сотот (*ошибка, поскольку Йогг-Сотот отнесён уже нами к одному из трёх первых Ключей*)
- 5 Ктулху (*очень сомнительное отнесение водного Древнего к огненной планете и Сфере; гораздо более вероятно, что тут должен быть созвучный ему Ктугха*)
- 6 Азатот (*тоже Древний из первой тройки Ключей*)
- 7 Шуб-Нигурат
- 8 Ньярлатхотеп
- 9 Дагон

Книга Закона Мёртвых

- 3 Ниогта
- 4 Ньярлатхотеп (*очевидная механическая ошибка при автозамене, поскольку с Ньярлатхотепом в этом же списке соотнесён и Набу; так что, судя по всему, здесь просто сохраняется имя Мардука*)
- 5 Хастур
- 6 Ктугха
- 7 Баст
- 8 Ньярлатхотеп
- 9 Йог-Сотот (*очевидная ошибка; см. выше*)

Таким образом, Ниниб соотносится с Йигом или Ниогтой (но не с обоими, поскольку Йиг и Ниогта соседствуют в Станцах Акло), Шуб-Нигурат — с Иштар (как обычно и делают) или Баст (что менее вероятно), Ньярлатхотеп — с Набу, Дагон — с Нанной (что тоже далеко не бесспорно).

Очень легко определяется Хастур Неназываемый: это, конечно же, скрытая Сфера Даат. Что же касается Ктулху, то, поскольку он — главное связующее звено Древних с людьми, то ему

соответствует Сфира 10, Малкут (не имеющая планетарного соответствия, а относящаяся к «сфере элементов»).

Отталкиваясь от того, что Хастур не может относиться ещё и к Гебуре, соотносим с Пятой Сфирой Ктутху, с Шестой — Шамаша (которому в традиционном лавкрафтианском пантеоне соответствует Митра, так же как Мардуку — Нухрам, а Нанне — Ноденс). Дополнительные рассуждения, слишком длинные, чтобы их помещать в этой краткой работе, позволяют нам воспроизвести полный список Великих Древних следующим образом:

1	Цатогуга
2	Йидра
3	Й'иг-Голонак
D	Хастур
4	Мардук
5	Ктутха
6	Шамаш
7	Шуб-Нигурат
8	Ньярлатхотеп
9	Ноденс
10	Ктулху

При этом Древние, относящиеся к Сфирот (точнее — к Клипот), не обязательно являются более старыми, могущественными или значимыми, чем Древние, относящиеся к Путям. Скорее, это Древние, наиболее тесно общающиеся с миром людей.

В. Что касается Меньших Древних, подробности вычислений здесь описывать мы не будем, в таблице приведены только результаты, сверенные с данными Книги Пятидесяти.

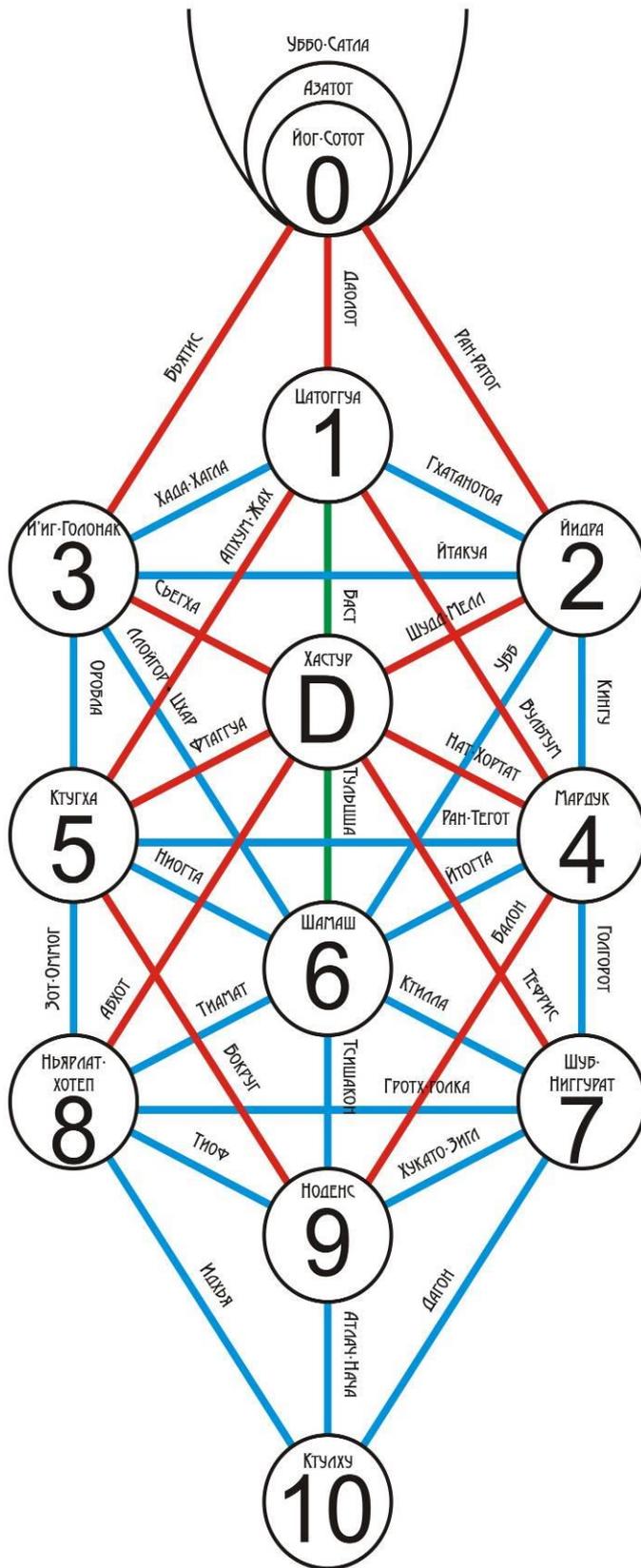
8. Заключение

Основываясь на приведённой ниже таблице, как жрецы Культа, так и простые читатели со временем могут попытаться, например:

- проработать другие стороны армяноязычной Каббалы;
- распределить по Ключам ипостаси Древних (например, 50 имён Мардука), младших духов, две сотни Чёрных Стражей (50 Ключей в 4 каббалистических мирах), их десятников и т. д.;
- прописать чёткие формулировки для добавочных Ключей;
- разработать Таро Древних, расширять до 50 элементов столбцы таблицы 777 Беннета-Кроули;
- изучить проявление 50 Ключей в 4 каббалистических мирах и т. д.

Нам же остаётся привести здесь схему Древа с указанием «базовых» (принятых в этом издании, что не всегда идентично использованию именно этих форм Абдуллой ибн Джабиром) имён Древних и саму таблицу.

АПОКРИФ

Синим отмечены классические Пути, *красным* — добавочные, *зелёным* — Пути, образующиеся в результате разбиения Пути Гимель Сфирой Даат.

9. Таблица соответствий (I-V)

I. Ключ 888	II. Место на Древе	III. Ключ 777	IV. Обозначения в Каббале	V. Армянские буквы (исходные соответствия)
-0	0	0 seph.	Эйн (сфиротическое)	
-00	0-000	00 seph.	Эйн Соф (сфиротическое)	
-000	000	000 seph.	Ор Эйн Соф (сфиротическое)	
0	0	0 klip.	Эйн	(Ев)
00	0-000	00 klip.	Эйн Соф	(О)
000	000	000 klip.	Ор Эйн Соф	(Фе)
1	1	1	Кетер	
2	2	2	Хокма	
3	3	3	Бина	
п	D	D	Даат	
4	4	4	Хесед	
5	5	5	Гебура	
6	6	6	Тиферет	
7	7	7	Нецах	
8	8	8	Ход	
9	9	9	Йесод	
10	10	10	Малкут	
11	0-1			Айб
12	0-2			Бен
13	0-3			Гим
14	1-2	11	Алеф	Да
15	1-3	12	Бет	Етц?
16	1-D	13 (1)	Гимель	За
17	1-4			Эй?
18	1-5			Эт?
19	2-3	14	Далет	То
20	2-D			Же
21	2-4	16	Вав	Ини
22	2-6	15	Хей	Люн
23	3-D			Хе
24	3-5	18	Хет	Тса
25	3-6	17	Зайин	Кен
26	D-4			Хо
27	D-5			Дза
28	D-6	13 (2)	Гимель	Гат
29	D-7	32bis	Тав	Тше
30	D-8	31bis	Шин	Мен
31	4-5	19	Тет	Йи
32	4-6	20	Йод	Ну
33	4-7	21	Каф	Ша
34	4-9			Во
35	5-6	22	Ламед	Ча
36	5-8	23	Мем	Пе
37	5-9			Дже
38	6-7	24	Нун	Ра
39	6-8	26	Айн	Се
40	6-9	25	Самех	Вев
41	7-8	27	Пе	Тюн
42	7-9	28	Цади	Ре
43	7-10	29	Куф	Цо
44	8-9	30	Реш	Хюн
45	8-10	31	Шин	Пюр
46	9-10	32	Тав	Кхе

9. Таблица соответствий (VI-VII)

№№	VI. Числ. соотв.	VII. Некоторые традиционные символические соответствия
-0	0	Ничто (сфиротические проявления)
-00	n	Творящее Ничто (сфиротические проявления)
-000	∞	Всё (сфиротические проявления)
0	0	Ничто (клипотические проявления)
00	n	Творящее Ничто (клипотические проявления)
000	∞	Всё (клипотические проявления)
1	1	Венец, Свет
2	2	Мудрость, Звёзды
3	3	Понимание, Сатурн
π	π	Знание, Бездна
4	4	Милосердие, Юпитер
5	5	Сила, Марс
6	6	Красота, Солнце
7	7	Победа, Венера
8	8	Великолепие, Меркурий
9	9	Основание, Луна
10	10	Царство, Элементы
11	1	
12	2	
13	3	
14	4	Воздух, Дурак
15	5	Меркурий, Маг
16	6	Луна, Жрица
17	7	
18	8	
19	9	Венера, Императрица
20	10	
21	20	Телец, Жрец
22	30	Овен, Император
23	40	
24	50	Рак, Колесница
25	60	Близнецы, Любовники, Выбор
26	70	
27	80	
28	90	Луна, Жрица
29	100	Земля
30	200	Дух
31	300	Лев, Сила, Вождение
32	400	Дева, Отшельник
33	500	Юпитер, Колесо
34	600	
35	700	Весы, Справедливость, Регулирование
36	800	Вода, Повешенный
37	900	
38	1000	Скорпион, Смерть
39	2000	Козерог, Дьявол
40	3000	Стрелец, Умеренность, Творчество
41	4000	Марс, Башня
42	5000	Водолей, Звезда
43	6000	Рыбы, Луна
44	7000	Солнце, Солнце
45	8000	Огонь, Суд, Эон
46	9000	Сатурн, Вселенная

9. Таблица соответствий (VIII-XI)

№№	VIII. Канонические формы, принятые в культе КЗФ	X. Лавкрафтианская традиция	XI. L. Arcanum и G. Imperium
-0	Наксир	Наксир, Центоно-Рохматру	
-00	Нарикс	Нарикс, Исахироросет	
-000	Надур	Надур, Дамамиакх, Кром-йха	
0	Уббо-Сатла	Уббо-Сатла, С'ньяк, Мландот	Юрнал
00	Азатот	Азатот	Азатот
000	Йог-Сотот	Йог-Сотот, Умр ат-Тавиль	Йог-Сотот
1	Цатогуа	Цатогуа, Пто	Унспетерус
2	Йидра	Йидра, Гидра, Гидраха	Чёрная Мать
3	Й'иг-Голонак	Й'голонак, Йиг, Йег, Йуг	Ук-Хан
п	Хастур	Хастур, Аст-ор-Маарх, Зухастор	Астурсот
4	Мардук	Нуг, Нухр, Нухрам	Марбел
5	Ктугха	Ктугха, Белгарта	Ктуханаи
6	Шамаш	Митра	Дибака
7	Шуб-Ниггурат	Шуб-Ниггурат, Иштар	Мемемьет-Раха
8	Ньярлатхотеп	Ньярлатхотеп	Ньярлатхотеп
9	Ноденс	Ноденс, Хонс, Неферхотеп	Лунигурот
10	Ктулху	Ктулху	Ктулху
11	Даолот	Даолот	Моиву
12	Ран-Ратог	Ран-Ратог	Азалу
13	Бьятис	Бьятис	Пул-Марг
14	Гхатанатоа	Гхатанатоа	Андрин
15	Хада-Хагла	Хада-Хагла	Хазаризель
16	Баст	Баст, Гарпия	Лузоат
17	Вультум	Вультум	
18	Апхум-Жах	Апхум-Жах	
19	Йтакуа	Йтакуа	Нун-Ханиш
20	Шудд-Мелл	Шудд-Мелл	Бас-Джубоб
21	Кингу	Ихтонх	Леазинот
22	Убб	Йеб	Нун-Бухан
23	Сьегха	Сьегха	
24	Оробла	Оробла, Бог-Змей	Парахан
25	Ллойгор+Цхар	Ллойгор+Цхар	
26	Нат-Хортат	Нат-Хортат, Гипнос, Морфей	Нерсел
27	Фтагуа	Фтагуа	Мафлеус
28	Тульцша	Тульцша	Лузоат
29	Тефрис	Тефрис	Нагоанго
30	Абхот	Абхот	Патурнигиш
31	Ран-Тегот	Ран-Тегот	Магот
32	Йтогта	Йтогта	Йог-Тотаи
33	Голгорот	Голгорот	Карр-Вефат
34	Балон	Балон	
35	Ниогта	Ниогта, Бог-Собака	Иак-Ишат
36	Зот-Оммог	Зот-Оммог	Бугг
37	Бокруг	Бокруг, Мномкуах	Билугэ
38	Ктилла	Ктилла	Турсот
39	Тиамат	Танит	Бовадойт
40	Тсишакон	Цулхекуон	Цапетэ
41	Гротх-голлка	Гротх-голлка	Айам
42	Хукато-Зигл	Хукато-Зигл	Вагонх
43	Дагон	Дагон	Дагаон
44	Тиоф	Тиоф	Бас-Лезифа
45	Идхья	Идх-йаа, Ламия, Изис	Детатит
46	Атлач-Нача	Атлач-Нача, Каин	Каим

9. Таблица соответствий (XII-XIV)

№№	XII. Книга Дагона и Тайны Червя (Терций Сибеллиус)	XIII. Некрономикон Симона	XIV. Имена Мардука
-0	Бенахас	Ану, Эшарра, Нинлиль	
-00	Секбер	Энки	
-000	Кетраш	Энлиль	
0		Абзу	Марутукку
00	Азатот	Азаг, Азаг-Тот, Ашарилуду	Неберу
000	Йог-Сотот	Иак-Саккак	Марукка
1	Цатогуа	Цдак, Пирик	Шазу-Захрим
2	Эггалахамош, Хамош	Эрешкигаль, Ниннуах, Нинкигаль	Шазу-Захгурим
3	Ихег	Ниниб, Адар, Нинурта	Шазу-Сухгурим
π	Экваббу	Хастур	
4	Аннуки, Нар-Марутуку	Мардук	Мардук
5	Нинурта	Нергал, Гирра	Шазу-Сухрим
6	Шамаш	Шамаш, Удду	Туту-Туку
7	Шуб-Ниггурат, Иштар, Инана	Иштар, Инана	Шазу-Зиси
8	Набу, Йатх Йаттхарлрл	Небо, Набу, Фирик	Энбилулу
9	Сиунн	Нанна	Шазу
10	Ктулху	Кулулу, Кутулу, Куталу	Сирсир
11	Эхер	Намтар	
12		Цалед	
13			
14		Лаларту	
15		Намтар	
16		Ишниггараб	
17			
18		Ниндукугга	
19	Нэшиартнам, Нцхег	Лилит, Нинахакудду, Нинкасзи	
20		Нанаканисурра, Нинкхарсаг	
21		Кингу	Иркингу
22		Хубур	Туту
23			
24			
25		Хумбаба+Пазузу	Туту-Агаку
26		Акхару	
27		Азабуа	
28			
29		Эндукугга	
30	Господин Тумана, Аштанга Йаду		Энбилулу-Хегал
31			
32		Гелал	Туту-Зику
33		Галлу	
34		Азбул	
35		Киэлгалал, Ниннгизхидда	Туту-Зиункенна
36		Лалассу	Энбилулу-Эпадун
37			
38		Нинниси Ана, Ххитим Курука	
39		Тиамат, Хувава, Кур	Мумму
40			
41			Асарри
42	Коф		
43	Дагон	Ниннасу, Ниннгазу	
44		Шакугука	Энбилулу-Гугал
45		Ламашта	
46			Сирсир-Малах

9. Таблица соответствий (XV-XVII)

№№	XV. Ипостаси Древних	XVI. 9 Углов, Арканы Древних	XVII. Язаты 4-х врат
-0	<i>Варф</i>		
-00	<i>Габуш</i>		
-000	<i>Мемрот</i>		
0	Зарьятнатмих	Бесконечность	
00	Барзах	Начало и конец	
000	Хаджраш	Порядок	
1	Ниса	Разрушение симметрии	
2	<i>Денак</i>		
3	<i>Энпрос</i>		
π	<i>Ведал</i>		
4	<i>Иброс</i>		
5	<i>Нокуса</i>		
6	Табарзуль	Симметрия	
7	Хаджраш	Козлица	Дакка
8	Этитнамуш	Посланник	Лезбу
9	Фабеллерон	Безрогие	Кабид
10	Фабенронти	Царствие	Немуш
11	Гамори		
12	Ситри		
13	Скор		
14	Обинаб	Шумер Аза Исиль, Беспредельный Хаос	
15	Эбонор	Нур-Махал Имер, Рождённый из Тьмы	
16	Ллойгор		
17	Бунет		
18	Элигуш		
19	Онарон	Кам Ишит Кур Вар, Материя	
20	Заган		
21	Нинандо	Милехар Кимин Ау, Пророчество	
22	Обэхоб	Имэна Хир Аалас, Повелитель	
23	Пурсон		
24	Охэрэн	Кхат-Мемер, Воин	
25	Бохэбо	Хемина, Выбор	
26	Форас		
27	Восо		
28	<u>Цхар</u>		
29	Кимаруш		
30	Увал		
31	Одэраб	Кхлуж А'Ад Мелим, Первичная Сила	
32	Онданин	Кикам Мез Ару, Посланник	
33	Нэрэхо	Шимир Имазу Аках, Судьба	
34	Барбат		
35	Норано	Пхир'Маст Хорул Вар, Мудрость	
36	Осэнин	Хемикорис Альях-Аа, Возрождённый	
37	Раумб		
38	Ронобэ	Этотасир, Пронзатель	
39	Нинэсо	Мур-Ахан Йог-Сотот, Рабство	
40	Этонэтатэ	Иратисингер, Слово	
41	Боросо	Муш'Арат, Ум	
42	Банибо	Ишат Бел-Мемер Кау, Сокровище	
43	Бадэро	Гур-Таа Маулка-Таа, Зов	
44	Орособ	Гхиш Марат Узулу, Страсть	
45	Ринанир	Нинир Абрил Кеш, Сказание	
46	Этатэнутэ		

10. Примечания к таблице

Многие результаты, приведённые в данной таблице, но не используемые напрямую при переводе и вычитке Священных писаний, на данном этапе можно рассматривать как предварительные.

I.л. Без сомнения, число π является важнейшей из дробей, расположенных между целыми числами 3 и 4, и потому именно оно соотносено с Сфирой Даат.

II.16,28. Пути, образованные в результате распада Ламед на Кетер-Даат и Даат-Тифферет.

II.29,30. Расположение Ключей 32bis и 31bis присвоено таким образом, чтобы не нарушать симметрии классического Древа.

III.-0,-00,-000. Фактически Старшие должны располагаться не в клипотической таблице 888, предусмотренной для Древних, а в классической, 777.

V. Буквы даны в последовательности армянского алфавита Месропа Маштоца и не привязаны к последовательности еврейского, используемой в классической Каббале. При необходимости можно соотнести некоторые армянские буквы с еврейскими по звучанию, начертанию, положению в алфавите и происхождению. Например, первые четыре буквы — Айб, Бен, Гим, Да — соответствуют еврейским Алеф, Бет, Гимель, Далет.

V.0,00,000. С Завесами Небытия условно соотносены три буквы, отсутствующие в армянском алфавите Маштоца и введённые только в XII веке.

V.15,17,18. Редакционная группа сомневается в правильности наименования данных армянских букв, поскольку пользовалась их транскрипцией знаками международного фонетического алфавита, а не принятой русской. Просим сообщить нам о правильном написании.

VI.-00,00. Буквой π обозначается математическая неопределённость.

VII. Для многих добавочных Путей чёткие символические соответствия на основании последующих столбцов ещё не выявлены.

VIII. Канонические формы взяты преимущественно из лавкрафтианской традиции передачи имён, даже если в оригинале использовалось иное начертание. В некоторых случаях, однако, использовались наиболее известные имена из шумерской («симоновской») традиции: Мардук, Шамаш, Кингу, Тиамат.

VIII.2,3. Следует учитывать, что категория пола Древним чужда, какими бы признаками те ни обладали. Поэтому «женственная» Йидра относится к «мужской» Сфире Хокма, а не к «женской» Бина, к которой отнесено вроде бы мужское, но отчётливо сатурническое божество Й'иг-Голонак. Аналогичные инверсии могут наблюдаться и в некоторых других случаях.

VIII.9. Ноденс — романизованная форма валлийского имени Нуаду. Несмотря на то, что Нуаду — более древнее произношение, аль-Хазраджи использовал именно вариант Ноденс, поскольку встретил его в латинских источниках.

VIII.25. Близнечное божество, единое в двух ипостасях.

VIII.39. Тиамат (Ганит, Бовадойт), сторого говоря, почитается как «мать Древних» и, стало быть, должна занимать гораздо более существенное положение, близкое к Завесам Небытия (на этот же момент указывается и в тексте воззвания к Тиамат). Однако изгнание Тиамат так бы «более тотально», чем изгнание прочих Древних (Она «не может быть призвана из-за размеров Её и чудовищности» и «будет заперта до той поры, пока звёзды не будут благоволить Ей всецело»), поэтому таблица отражает Её нынешнее, не слишком существенное положение.

X. К лавкрафтианской традиции передачи имён относятся, кроме произведений самого Лавкрафта и его литературных продолжателей, также английские переводы Станцев Акло, Рукописей Пнакота, Сновидений долины Пнакота, таких компиляций как «Древняя мифология Хаоса», «Метафизика Лавкрафта», Некрономикон Уилсона, Текст Р'льеха, «Сатанинские ритуалы» ЛаВея и др.; итальянские переводы Софинерома и фрагментов из Некрономикона под ред.

Фрэнка Рипеля; латинский псевдо-некрономикон, приписываемый Оле Ворму; русский перевод Книги Пятидесяти; ряд текстов на русском и других языках. Также примыкает к этой традиции Liber Logaeth, or Liber Mysteriorum Sextus et Sanctus — енохианский текст Джона Ди, в котором имя Хастура передано как Зухастор, а Йидры — как Гидраха. Кроме уникальных имён, в лавкрафтианской традиции встречаются и заимствованные: греческие (Гидра, Гипнос, Гарпия, Ламия), египетские (Хонс, Неферхотеп, Пто, Изис), кельтские (Ноденс), шумеро-аккадские (Иштар, Дагон), семитские (Танит, Каин), персидские (Митра) и т. д. Некоторые из имён и их вариаций по разным причинам не вошли в список, но следует иметь в виду, что список этот неполон.

XI. По-видимому, родоначальником данной традиции передачи имён является Джон Ди.

XI.2. Имя отсутствует в Grimoirum Imperium, есть только в Liber Arcanum.

XI.16,28. В Grimoirum Imperium имя повторяется дважды с разными печатями, в Liber Arcanum упомянуто единожды.

XII. Данная традиция сочетает черты шумерско-симоновской (см. далее) и абдаллаховско-лавкрафтианской. Поскольку её исследование ещё не завершено и новый перевод этих произведений не сделан, могут появиться некоторые новые соответствия, а некоторые приведённые — измениться. Таким образом, данные этого столбца являются предварительными.

XIII. Традиция, построенная на соотношении имён Некрономикона с их шумеро-аккадскими соответствиями. Имена, начинающиеся на «нин-» (царица) и «эн-» (царь), являются, фактически, не именами собственными, а титулами, ипостасями, эпитетами, прозвищами (если учесть, что Древние не обладают конкретным полом, путаница зачастую ещё более усиливается). Некоторые имена, встречающиеся в приложениях к Некрономикону Симона — Скрижалях Маклу, Писании Магана, фрагментах из Тайн Червя, — ещё не прошли должной обработки.

XIV. Полный список соответствий по этому столбцу ещё не составлен. Имена давались в транскрипции оригинала, а не Некрономикона Симона.

XV. Обычным шрифтом обозначены лики Ньярлатхотепа, курсивом — слуги Балона, жирным — шары Йог-Сотота, жирным курсивом — девять Слов Власти, подчёркнутым — два лика близнечного божества, подчёркнутым курсивом — три дополнительных Слова Власти в ритуале Шуб-Нигтурат. Этот столбец, фактически, является основой для будущей работы со столбцом VII, а также для распределения по пятидесяти Ключам имён Мардука.

XV.11,12,13,17,18,20,23,26,27,29,30,34,37. В Некрономиконе Уилсона — Гомори, Ситри, Скор, Анабот, Элигор, Заган, Дурсон, Паргас, Альгор, Сефон, Вуал, Гамор и Умбра соответственно. Как можно заметить, Гомори — это оригинальное имя Гамори с неправильной огласовкой, а Скор, Элигор и Дурсон — скорее всего, ошибки переписчиков в именах Сеир, Элигуш и Пурсон (в рукописной латинице такие погрешности допустить нетрудно). Сходство пар Бунет-Анабот и Форас-Паргас не столь очевидно, но всё же заметно (особенно есть учесть во втором имени, что звук «ф» зачастую отображается не только буквой «f», но и сочетанием «ph»). Вуал — распространённая в западных гримуарах, но не совсем точная форма имени Увал, имя Умбра образовано путём перестановки слогов (возможно, умышленной) в исходном Раумб (в котором конечный «б» может сливаться с «м» и не читаться). Остальные имена (Альгор вместо Восо, Сефон вместо Кимаруш, Гамор вместо Барбат), по всей видимости, намеренно изменены командой Уилсона, дабы формулы не использовались непосвящёнными.

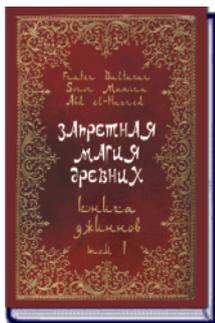
XVI. Слова власти соотносятся с девятью углами из ритуала призывания Шуб-Нигтурат, арканы Древних — с ликами Ньярлатхотепа.

XVII. Данные соответствия легко выводятся даже из таблиц Liber 777 через стороны света.

«Завет Мёртвых»

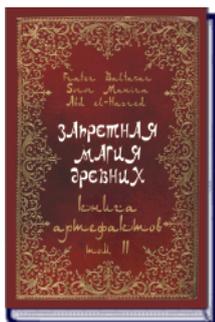
в трёхтомнике «Запретная магия Древних»

Том 1. Книга джиннов (Мягкий пер., 468 стр., 60x90/16, 2009 г.)

В «Книге Джиннов» раскрыты тайны египетских папирусов, содержащих магические тексты магрибов, греческие свитки таинственного содержания, а также много практических советов, как использовать магию Древних сегодня. «Книга Джиннов» откроет вам один из величайших секретов того, как работают силы Вселенной. Этот секрет идёт из глубины веков. Многие маги и чародеи прошлого знали о нём, но не хотели, чтобы это стало всеобщим достоянием. А сейчас пришло время открыть его вам. Ваши желания будут исполняться по принципу лампы Аладдина, достаточно лишь правильно сформулировать и выразить свою просьбу. Джинн исполнит любые ваши желания, количество которых может быть бесконечно. Вам долго внушали, что всему есть свои пределы, что на всех не хватит тех благ, которыми располагает Вселенная. Книга опровергает этот постулат! Вселенная безгранична! В ней более чем достаточно ресурсов для всех нас. Вещей, творческих идей, любви и радости хватит с лихвой всем населяющим землю! И ваши возможности тоже безграничны.

Том 2. Книга артефактов (Мягкий пер., 532 стр., 60x90/16, 2009 г.)

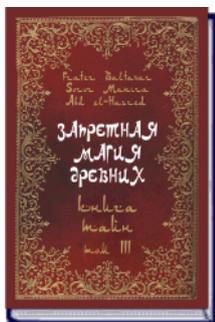

В «Книге Артефактов» раскрыты тайны изготовления амулетов и талисманов по авторской системе Маниры, содержащие магические формулы на удачу, счастье, любовь и богатство. Дастся много практических советов, как использовать их для своих целей.

«Книга Великих Имен» откроет вам тайные имена Архангелов и способы решения своих проблем лишь при одном их произнесении. С помощью Великих Имен вы сможете управлять своей судьбой и стать подобными Богу. Этот секрет был известен только посвящённым, теперь он открыт вам.

«Завет Мёртвых», или «Некрономикон», Абдуллы аль-Хазраджи в полном переводе впервые публикуется в этом томе. Всё, что отрывочно вы когда-то встречали в печати или на просторах интернета, теперь предстаёт перед вами в виде таинственного гримуара о культе Древних.

Том 3. Книга тайн (Мягкий пер., 612 стр., 60x90/16, 2009 г.)

«Книга Тайн» завершает трёхтомник и подводит логический итог всему сказанному. Все темы, которые затрагивались в рамках концепции Древних, заканчиваются здесь. В «Книге Тайн» приводится полная расшифровка таинственного манускрипта Войничча. Он является магическим трактатом, близко связанным по смыслу с «Некрономиконом». В нём содержатся секреты алхимии духа, возвышения человеческого сознания до уровня Бога, трансмутации и преобразования души. Последние главы «Книги Джиннов» расскажут вам о том, как вызвать Джинна и заключить его в артефакт, чтобы впоследствии вы могли управлять им. В магических папирусах вы найдёте рецепты любовных чар, приворотных нашивок, защитных амулетов и заклинаний. В приложении мы представляем вашему вниманию целую библиотеку сакральных текстов, посвящённую культуре Древних.

[Заказать](#)

ن: ١ ٤:٨ ٤٧ ٤:٤٤,